

АНДРЕЙ ТРОИЦКИЙ МОСКВА ИКС

ГРЯЗНЫЕ ТАЙНЫ, ПАХНУЩИЕ КРОВЬЮ

Шпион особого назначения

Андрей Троицкий

Москва Икс

«Андрей Троицкий»

2020

Троицкий А. Б.

Москва Икс / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий»,
2020 — (Шпион особого назначения)

Советский Союз доживает последние годы. Капитан морских пехотинцев Сурен Мирзаян при выполнении боевого задания за рубежом не выполнил приказ командования. Позднее раненый Мирзаян и несколько его подчиненных попали в госпиталь в Северодвинске. По выздоровлении их ждала гарнизонная тюрьма, следствие и трибунал. Однако Мирзаян и еще двое морпехов бегут из госпиталя, уходят ночью на машине, а затем поездом. Беглецы обзаводятся подложными документами и под чужими именами теряются на просторах Советского Союза. Милиция и флотская контрразведка вели поиск бывших военнослужащих, но безрезультатно. Восемь лет спустя большие люди на Лубянке и Старой площади пересмотрели давнее дело и решили начать новую охоту на дезертиров, подключив группу опытных оперативников КГБ во главе с майором Павлом Черных. Для майора Черных бывшие морпехи не просто звери, которым место за решеткой, – это люди, посвященные в важные государственные секреты, а тайны надо похоронить вместе с дезертирами. Но, как часто бывает, на чужие секреты вдруг находится богатый покупатель со стороны, который способен изменить не только ход оперативной игры чекистов, но и человеческие судьбы. Некоторые события романа основаны на реальных фактах.

© Троицкий А. Б., 2020

© Андрей Троицкий, 2020

Содержание

Часть первая: майор Черных, следствие	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	26
Часть вторая: Сурен	29
Глава 1	30
Глава 2	35
Глава 2	39
Глава 3	43
Глава 4	47
Глава 5	52
Часть третья: Кольцов	57
Глава 1	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Троицкий

Москва Икс

Часть первая: майор Черных, следствие

Глава 1

Майор госбезопасности Павел Андреевич Черных, статный красивый мужчина с густой шевелюрой и черными усами, ужинал в ресторане «Будапешт» в компании сослуживца капитана Сергея Ильина. Оба офицера были в штатском, они приехали сюда после окончания долгого дежурства, двенадцать часов кряду наблюдали за парадным подъездом и окнами квартиры, где собирались валютчики. Когда выпили, усталость отпустила, теперь Черных хотелось излить душу, рассказать некую пикантную историю Ильину, одному из немногих людей, которому верил, как самому себе.

– Вот если бы у нас в стране бывшие супруги расставались друзьями, – сказал Черных. – Ну, как у них вот, за границей... Но ведь мы так не можем, не умеем. Нам надо разругаться, разделить через суд каждую тряпку, каждую деревяшку. Окунувшись в дерьмо, мы испытываем удовлетворение.

Недавно Черных пережил развод с женщиной, с которой прожил в браке почти шесть лет, но обретенная свобода принесла с собой неожиданные неприятности. Супруга оказалась редкостной стервой, из мести написала начальству бывшего мужа несколько анонимок, – Черных якобы ведет разнузданный антиобщественный образ жизни, пьянствует, ходит по кабакам, он превратил свою двухкомнатную квартиру на Профсоюзной улице в притон, там бывают женщины легкого поведения, вино льется рекой, в карты играют с пятницы по воскресенье. Одну из любовниц зовут Тамарой, она работает заведующей ювелирной секцией магазина «Янтарь», другая – Виктория, заместитель управляющего треста столовых.

И еще Черных в присутствии собутыльников и шлюх ругает советскую власть, рассказывает анекдоты, высмеивающие лидеров Коммунистической партии, и негативно, в издевательской форме, отзывается о деятельности Комитета госбезопасности и его лучших сотрудниках, которые, по его словам, не шпионов ловят, а только по бабам бегают и водку жрут. А потом похмеляются и ходят по подпольным врачам, – лечат сифилис.

– Ну, меня главный вызвал, показал эту писанину. Почерк чужой, не ее. Наверное, подругу попросила или любовника. Но большую часть писем – на машинке напечатали. Короче, я прочитал, и волосы на заднице дыбом встали. Босс спрашивает: кто, по-твоему, написал все это? Я честно ответил: бывшая жена Людмила, больше некому. Он стал задавать другие вопросы: что-то из указанных обвинений соответствует действительности? Откуда бывшая жена знает подробности твоего быта? И так далее... Чего тут скажешь, блин. Ну, говорю, ни сном ни духом. Ни анекдотов, ничего... А мой быт – это почти сплошная работа.

Сослуживцы уже расправились с холодной и горячей закуской, выпили поллитровку «Пшеничной», заказали вторую. Черных иногда заходил в этот ресторан, он точно знал, на каких столиках установлена прослушка КГБ, за такие столики метрдотель, нештатный сотрудник госбезопасности, сажал иностранцев и девочек. Черных всегда брал столик на двоих в дальнем конце зала, у витрины, заранее звонил метрдотелю: сегодня зайду поужинать. Здесь можно говорить все, что в голову взбредет, не стесняясь в выражениях. Ильин пару лет назад сам нахлебался, его Настя писала на работу мужа отвратительные пасквили, выставляя напоказ

грязное белье, а когда развелись, но еще не разъехались, вызывала милицию, – якобы бывший муж оскорбляет ее, угрожает расправой, лезет с кулаками...

Началось второе отделение концерта, музыканты чередовали песни Юрия Антонова с лирикой «Битлз», все неплохо, и музыка была негромкой, не надо кричать, чтобы собеседник услышал.

– Ну, и он чего? – спросил Ильин.

Он где-то достал модный финский костюм, синий в светлую полоску, голубую рубашку. В этом прикиде он был похож на сотрудника Министерства иностранных дел, а не на чекиста. Среднего роста с круглым приятным лицом и соломенными волосами, он часто обнажал в улыбке белые ровные зубы, добрые голубые глаза смотрели на мир удивленно.

– Босс говорит: я тебе верю, иначе бы не вызвал сюда и не показал писем. А просто оформил приказ и отправил тебя за Уральский хребет, в какой-нибудь заштатный городишко, на никчемную бумажную работу. И ты бы там после Москвы совсем завял в расцвете сил, как цветочек. Никакого продвижения, никаких перспектив. Стоячее болото. Просидел бы ты на своем стуле до седых волос, вышел бы в отставку в майорском звании с маленькой пенсией.

– Да, сейчас времена все-таки другие, – кивнул Ильин. – При Юрии Владимировиче Андропове долгих разговоров с тобой вести бы не стали. Вынесли бы взыскание по партийной линии. И потом полетел бы ты куда-нибудь подальше. В Омск или в Томск на паршивую должностишку.

– Да уж, – мрачно кивнул Черных.

– А сейчас, хотя я Горбачева не люблю, – людей все-таки стали слушать. Нельзя, чтобы какая-то мразь, сучка долбаная, хороших людей своим дерьмом перепачкала. Тем более тебя, – оперативника, награжденного государственными наградами. Две медали и орден – это не хвост собачий. Ты не в кабинетах штаны просиживаешь, а делаешь черновую работу. Бывает, что и жизнью рискуешь, под пули лезешь. Нельзя такими людьми бросаться.

Официант, обслуживающий столик, был пьян, хотя вечер только подходил к середине, с течением времени этот хмырь становился все пьянее. Хотя про водку ему сказали почти полчаса назад, он не почесался, и сейчас прошел мимо нетвердой походкой, по галерее направляясь в служебное помещение, даже не посмотрел в их сторону. Черных поднялся, догнал официанта, дернул за рукав, развернул перед его носом красную книжечку с золотым тиснением: герб государства, щит с мечом и три буквы золотом – КГБ.

– Слышь, уважаемый, если ты не очухаешься, обижаться будешь только на себя, – прошипел Черных. – Тебя через пять минут отстранят от работы. А завтра получишь на руки трудовую книжку и вылетишь с волчьим билетом. Может быть, если повезет, устроишься в рабочую столовую котлы мыть. Или на автовокзале плевательницы чистить. Я уж похлопочу.

Официант побледнел, попросил прощения. Черных вернулся к столику, закурил.

– Больше босс ничего не сказал? – спросил Ильин.

– Пообещал, что проверят сигнал.

– Не помню, чтобы ты при мне рассказывал про Тамару и Викторию. Это вымышленные персонажи?

– Если бы. Бывшая жена так смешала правду с враньем, что одно от другого не отличишь. С Викторией у меня было, уже после развода. Всего несколько раз.... Встретились и разбежались. А с Тамарой – уже месяца полтора, постоянно. Понимаешь, если всех знакомых женщин и все выпитые бутылки свалить в одну кучу, получится, – я и вправду погряз в пьянстве и разврате. Из конторы меня давно пора турнуть...

Официант подошел неслышной лунатической походкой, открыл бутылку, наполнил рюмки, ни капли не уронил на скатерть, и удалился на цыпочках.

– Теперь вспомнил: Тамарку я как-то видел, – сказал Ильин. – Ничего такая, толстая.

– Толстая, тонкая, какая к матери разница... К тому же она давно похудела. Нормальная женщина. И теперь ее будет проверять наша контора. Придет какой-нибудь хмырь в штатском, для начала в отделе кадров все разнохает, к начальству сходит. Запретят с Тamarой в профкоме и будет мордовать своими вопросиками. Блин, хоть ума хватило от этой сучки детей не заводить.... Ну, от бывшей жены. Еще недавно ходили слухи, что меня наградят знаком «Почетный чекист». С этим, ясно, – пролет. А этот знак мне, – дороже ордена. Столько лет ждал... И очередное звание задержат.

– Это даже плюс, – сказал Ильин. – Ты же опер. А если дадут подполковника, то снимут с оперативной работы. Выделят кабинет в управлении КГБ по Москве и области. И будешь там распределять продовольственные заказы к праздникам, составлять бесполезные бумажки, ходить на доклады и партсобрания. И ждать пенсии как избавления от земных страданий. Да, сдохнешь от скуки. А коли не сдохнешь, сам в петлю полезешь.

– Этого и боюсь, – почетной ссылки в Мухоморск или еще куда. Вот там точно сдохну от тоски.

Ильин потянулся к рюмке.

– А у твоей Тамары клева подружка есть? Хочется кого-нибудь для души, так сказать... А вокруг одни шалавы.

* * *

После застолья Сергей Ильин не чувствовал себя пьяным, он вышел из ресторана, свернул к Петровке и там остановил такси, он добрался до квартиры в Новых Черемушках, поднялся лифтом на двенадцатый этаж. Мать еще не спала, ждала его, стала принахиваться, но водочного запаха, кажется, не заметила, спросила, разогреть ли ужин. Ильин принял душ, сказал матери, чтобы шла спать, но она села у телевизора и уставилась в экран, – передавали захватывающий репортаж из животноводческого колхоза, где своими силами наладили производство комбикорма и тем самым, благодаря усиленному кормлению скота, повысили надои на восемь процентов. Покончив с коровами, стали болтать про космос.

– Тебе это интересно? – спросил Ильин.

– Очень интересно, – ответила мать.

Ильин налил стакан чая, сел в своей комнате, включил лампу и разложил бумаги на письменном столе. Несколько минут, посасывая кончик ручки, он думал, с чего начать, но ничего оригинального в голову не лезло. Он переложил ручку в левую руку и написал: «Уважаемые товарищи, мой гражданский и человеческий долг, – довести до вашего сведения следующие факты. Майор госбезопасности Павел Черных продолжает вести антиобщественный образ жизни, порочащий честь чекиста и бросающий тень на Комитет государственной безопасности. Сегодня я стала невольной свидетельницей, как Черных пьянствовал и бесчинствовал в ресторане «Будапешт». Свободных столиков вечером в зале не было, но он приказал администратору рассчитать двух посетителей, молодого парня с девушкой, и вывести их из ресторана на воздух, если не уйдут добром. Позже, уже напившись, стал придирается к официанту, хватать его руками и угрожать расправой...»

Далее Ильин написал, что Черных рассказывал похабные и антисоветские анекдоты, лез к женщинам и нецензурно выражался, позоря честь офицера и т. д. И закончил письмо так: «Не могу назвать своего имени, потому что боюсь мести гражданина Черных. С уважением, ваша Доброжелательница». Он заклеил конверт, написал адрес общественной приемной КГБ на Кузнецком мосту. Завтра, когда он поедет к тетке, бросит письмо в ящик в районе Беговой. Он допил чай и стал размышлять, что в жизни нет справедливости, хоть сто писем напиши, хоть тысячу, – ничего не изменится. Такова логика подлого человеческого мира, его горькая правда...

Майор Черных застрял на своей должности старшего оперуполномоченного, как пробка в узком бутылочном горлышке, – и не сдвинешь, наверх не берут, и в другое управления не переводят, а пока должность старшего оперуполномоченного по особо важным делам не освободится, Ильину нет хода наверх, – а эту клятую должность занимает Черных. Он вышел в соседнюю комнату, по телевизору показывали улицу, запруженную людьми, посередине этого водоворота стоял Горбачев в пальто и серой шляпе, он молотил всякий вздор про гласность, ускорение и перестройку. Мать спала в кресле, Ильин укрыл ее пледом.

Он вернулся в комнату, взял письмо, открыл верхний ящик стола. Достал оттуда жестяную старинную коробку из-под шоколадных конфет, где хранил деловые бумаги, положил сверху письмо. Ничего нового эта анонимка не содержала, ничего серьезного. Ну, гульнул гэбэшник в ресторане, к женщинам приставал... Что тут криминального? Он ведь тоже человек.

Вот если бы он к мужчинам приставал, пропивал казенные деньги, а ужинал в компании американского военного атташе, – тогда бы КГБ, возможно, почесался. А с этим письмом самому подставиться легко, – когда будут проверять, поинтересуются, с кем Черных пришел в «Будапешт», с кем водку пил. Нет, надо еще раз поужинать с майором, только не в ресторане, – дома, подпоить его, навязать откровенный разговор, выудить новую информацию, кое-что добавить из этого последнего письма, – буквально пару абзацев, – тогда дело веселее пойдет.

Глава 2

На пороге квартиры, не успев сбросить пальто, Черных услышал телефонный звонок. Он зажег свет, звонили из приемной босса, заместителя начальника второго главного управления КГБ генерал-майора Петра Карповича Шумилина. Дежурный офицер сказал, что Черных срочно вызывают на Лубянку, машина сейчас выедет, запикали короткие гудки. На часах около десяти вечера, Черных подумал: слава Богу, в ресторане не взяли третью бутылку, он вернулся пораньше и сейчас почти не чувствовал опьянения.

Он успел принять душ, выпить кофе, сжевать половинку мускатного ореха, отбивающего запах спиртного. Надел парадный костюм, который накануне забрал из химчистки, побрызгался одеколоном «Шипр», спустился к подъезду, сел в черную «Волгу» с затемненными стеклами. Дорогой он думал, что начальник вызывает, конечно же, не из-за тех грязных анонимок, не тот сегодня день, не тот час, чтобы копаться в этом мусоре, – вызывают по неотложной надобности, спросят, как идет с валютчиками, прикажут заканчивать с ними, да мало ли важных дел у чекистов... Но в сердце засела заноза беспокойства, неосознанной тревоги, тоскливые мысли лезли в голову: вдруг эта стерва написала такое, что босс не захотел откладывать расправу до понедельника, приказал прибыть прямо сейчас, чтобы... Чтобы что? Чтобы сделать устный выговор... Чтобы подписать приказ... Гадать бесполезно.

Через полчаса он оказался в кабинете Шумилина.

Окна выходили на площадь, на памятник Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому, худому, с вытянутым нездоровым лицом и бородкой клинышком, напоминающему восклицательный знак. Вокруг памятника катили машины, но уличный шум сюда не долетал, было слышно, как тикают в углу напольные часы в корпусе из орехового дерева. Горела настольная лампа под зеленым колпаком на железной подставке. Босс был в форме, на груди орденские колодки, он оторвался от бумаг, молча кивнул на приставной столик для посетителей.

– Ничего, что оторвал от холостяцкой вечеринки? – босс усмехнулся и хлебнул чая из стакана. – Наверное, у тебя были на этот вечер другие планы?

– Никаких планов, – сказал Черных. – Я после дежурства.

– Да, да, – рассеянно кивнул генерал. – Знаю, ты сейчас занят делом валютчиков. И все к концу?

– Мы собрали столько информации, что на два дела хватит. Но не берем их, потому что могут появиться новые действующие лица, о которых пока ничего не известно. Только клички, плюс отрывочная оперативная информация, которую к делу не подошьешь. Но эти люди есть, и они скоро проявятся... В преступную группу внедрен наш осведомитель. Кроме того, мы взяли одного из валютчиков, некоего Сомова, устроив так, что его подельники уверены, – Сомов отдыхает на болгарском курорте Варна. Этот тип дал признательные показания.

– Хорошо, – кивнул Шумилин. – Какие перспективы у дела?

– Возьмем всех валютчиков одновременно, в один день и час. Более двадцати человек. Подержим их в Лефортовской тюрьме недельку, без допросов. Это действует. Подготовим и передадим материалы в следственное управление. Не сомневаюсь, что вся компания даст признательные показания. Четверых или пятерых можно подвести под вышку. Остальным от пятнадцати до двадцати с конфискацией и дальнейшим поражением в правах. Процесс можно сделать громким, публичным, но это не мне решать.

Босс постучал ручкой по столу, обрывая подчиненного. Черных, которым снова овладели неприятные мысли и предчувствия, подумал, что прелюдия завершена, возможно, прямо сейчас будут сказаны слова, которые навсегда изменят его жизнь: проверка анонимок показала, что информация в целом подтверждается, поэтому Черных придется покинуть Москву и пере-

ехать в какой-нибудь Кологрив или Конотоп или немедленно подать в отставку, а прямо сейчас надо выйти в приемную и составить рапорт.

– Дело валютчиков закончат без тебя, – босс смотрел куда-то в сторону, в темный угол кабинета. – Да, закончат другие люди...

Черных почувствовал, что ему стало жарко, не хватает воздуха, галстук сдавливает шею, словно удавка.

– Вот приказ. Ознакомься.

Когда брал бумагу, рука дрогнула, босс это заметил. Черных положил перед собой листок, провел по нему ладонью, будто бумага была мятой, а он ее расправлял, стал читать, но смысл написанного почему-то ускользал, он перечитал текст три раза, речь не шла ни об увольнении из органов госбезопасности, ни о ссылке, – Черных поручали новое ответственное задание, его наделяли самыми широкими полномочиями, – он перевел дух, будто с высоченной ледяной горы скатился на ногах и не упал, достал платок и вытер испарину. Босс, словно прочитал его мысли, усмехнулся, привстал, протянул две пухлые папки и отдельно – несколько листов машинописного текста:

– Прочитай по диагонали эту справку. Задавай вопросы, если чего непонятно.

На этот раз Черных читал, не торопясь, чувствуя, что с души свалился тяжелый камень, дышать стало легче, – будто вдогонку к выпитому в ресторане еще стакан беленькой махнул. Раз ему доверили важное дело – значит он по-прежнему на хорошем счету, анонимками можно подтереться. Черных не удивился содержанию справки, за годы службы он разного навидался, – на десятерых хватит, и весь отпущенный человеку запас удивления давно растратил, но вот необычная информация и вопросов сразу же штук сто повылезало. Однако эти вопросы он оставил при себе, сделал серьезное лицо, сдвинул брови: босс любил, когда сотрудники хватают информацию на лету, когда ее не надо разжевывать.

Восемь с лишним лет назад сводный отряд морских пехотинцев Северного флота, состоявший из тридцати восьми человек – все офицеры или прапорщики с боевым опытом, – принимал участие в секретной операции на территории Кампучии. Морпехи должны были высадиться с десантного корабля, марш-броском преодолеть расстояние в десять километров по джунглям, проникнуть в полевой лагерь красных кхмеров, вызволить граждан СССР, в том числе дипломатов, которых кхмеры держали в плену, уничтожить несколько ящиков с бумагами, – секретный архив, который перевозили наши дипломаты перед тем, как попасть в плен, – и уйти, оставив после себя выжженную землю и гору трупов.

Операция была провалена, – это мнение военных контрразведчиков. Если посмотреть с другой стороны, морпехи сделали эту паршивую опасную работу как надо, а вместо награды получили нож в спину, от своих же. Отряд вошел в лагерь, перерезал или перестрелял всех косоглазых и вытащил наших. Однако выяснилось, что в одном бараке с советскими дипломатами содержали сотрудников американской миссии Красного креста, – пятерых мужчин и женщину на седьмом месяце беременности.

Операции в тылу врага – это для людей, у которых стальная проволока вместо нервов, а вместо сердца – холодный камень, под которым даже змея жить не станет. Эту работу называют грязной, так оно и есть, – живых свидетелей не оставляют, женщины, дети, старики, – не важно... Свидетелей специальных операций, тем паче за границей, не щадят – и точка. Командир отряда должен был кончить американцев и сделать так, что их тела невозможно было опознать, чтобы от них даже воспоминаний не осталось, практически – это раз плюнуть, у морпехов были с собой два огнемета и несколько рюкзаков взрывчатки.

Однако американцев потащили с собой на десантный корабль. И русские дипломаты, и американцы были в неважном состоянии, в джунглях, в бараке или земляной яме они подцепили малярию, отравились пищей, и уже несколько дней страдали от обезвоживания. Кое-кого приходилось нести на самодельных носилках, темп передвижения был потерян. На обратном

пути остановились, чтобы перевязать раненых и передохнуть, из лагеря передали сообщение на корабль, доложили об американцах, с корабля связались с Североморском и Мурманском, оттуда с Москвой.

Кто принимал решения – значения уже не имеет, но так или иначе начальство решило, что за отрядом морпехов организована погоня, красные кхмеры уже на подходе, – на корабль поступил приказ открыть заградительный огонь и его открыли – из всех стволов. Однако под обстрел попали не мифические кхмеры, а свои парни, морпехи понесли значительные потери личного состава, было много убитых и тяжелораненых. Кто был на войне, тот знает, что такое попасть под «дружественный огонь», – когда артиллерия лупит по своим.

В живых осталось до пятнадцати человек военных, кое-кто из гражданских, сейчас, по прошествии времени, цифры требуют уточнения. Выжившие участники операции были допрошены контрразведчиками Северного флота, командира морпехов Сурена Мирзаяна подозревали в предательстве, но сейчас эти подозрения нельзя доказать или опровергнуть, полную картину заварухи, случившейся в Камбодже, трудно, да и смысла нет, восстанавливать. Морские пехотинцы, те, что остались в живых, были комиссованы по ранению или сами подали в отставку и уехали из Мурманской области.

Командир отряда Сурен Мирзаян, прапорщик Юрий Кузнецов, раненые во время заградительного обстрела, а также подрывник из первого взвода прапорщик Константин Бондарь, проходили лечение в военном госпитале на территории части в Северодвинске. У следствия, которое вели сотрудники контрразведки Северного флота, было много вопросов к этим парням. Но однажды поздним вечером, эта троица совершила дерзкий побег на угнанной служебной машине. При этом пострадало несколько офицеров контрразведки, они пришли в госпиталь, чтобы задать раненым несколько вопросов, а раненые на них напали и так далее.

Позднее были предприняты попытки найти беглецов, но никого не нашли. Тогда к поискам подключили МВД, – толку никакого. Позже на самом верху решили подключить госбезопасность, но было поздно, следы беглецов потерялись. Это ведь такие парни... Они могут спрятались в пустой комнате. Вскоре в Комитете сменилось руководство, новые люди посчитали, что чекисты занимаются не своим делом – ищут каких-то дезертиров, – и свернули поиски.

По данным контрразведки Северного флота, несколько бывших морских пехотинцев из того отряда, живут в разных городах России. Им не было предъявлено обвинений, они ни от кого не скрываются. Двое, кажется, живут в Питере, один – инвалид, частично потерявший память. Другой остался без ноги, живет на пенсию, подрабатывает в местной церкви.

– Ну, какие вопросы? – босс распечатал пачку «Мальборо» и закурил.

– Кто из американцев остался в живых и какова их судьба?

– Американцы и наши дипломаты – это не твоя забота, но я темнить не люблю. Чтобы ты получил полное представление об этой истории, тебе выдадут все материалы, без исключения, и по американцам, и по нашим дипломатам, хотя эта информация – совершенно секретная, ей владеет всего несколько человек на самом верху.

– Почему спустя почти девять лет вдруг вспомнили эту историю?

– Что ж, это важный вопрос. Наверное, самый важный. Там же написано, что с посольскими работниками морпехи вытащили из плена несколько американцев, шпионов, которые работали под прикрытием гуманитарной организации. Теперь, когда Михаил Сергеевич Горбачев сблизился с Америкой, там, за океаном, решили, что СССР должен открыть им все секреты и тайны. Американцам что-то известно о той операции. Мы не знаем, много они знают или мало. Однако из Госдепа США пришло несколько писем в наш МИД: американцы пишут, что им известно о кампучийском деле, они хотят знать, что стало с их соотечественниками. Наши ответили: знать ничего не знаем. Какие-то конгрессмены написали запросы в администрацию ЦК КПСС, интересуются судьбами сотрудников гуманитарной миссии, пропавших без вести

в Кампучии. Конечно, со временем наша сторона, ну, дипломаты, подготовит обстоятельный ответ, придумают что-то толковое, убедительное, но пока отвечать нечего. Понимаешь?

– Конечно, – кивнул Черных.

– Перед тем, как начать диалог с американцами, надо убедиться, что все концы защищены. И никто из свидетелей той заварухи рта не откроет. У американцев много источников информации, есть сеть легальной и нелегальной агентура на территории СССР. И найти человека, живого свидетеля, они при удачном стечении обстоятельств смогли бы. А какой-нибудь морально неустойчивый участник тех событий возьмет, да и поделится, – бескорыстно или за деньги, – тем, что знает. Почему бы и нет... Или поставит условие: вывезите меня из этой страны, потому что на развитой социализм у меня аллергия, – хочу в гнилое капиталистическое болото, – тогда услуга за услугу, я много чего расскажу. Газеты всего мира захлебнутся криком: русские в третьих странах похищают и убивают американских граждан. Не просто граждан – врачей. Главная задача – найти морпехов из сводного отряда. Понял меня?

– Так точно, – кивнул Черных.

– Математика простая, я повторю: есть ветераны, которые честно трудятся на благо родины. Сколько их осталось – сам подсчитаешь. Официально ушли в отставку, кажется, человек восемь-десять. С ними помягче, но надо в принципе исключить возможность их контакта с иностранцами и вообще – с сомнительными личностями. Короче, эти ребята тоже под подозрением. Вчера они были уважаемыми ветеранами, сегодня – люди, с которыми хочет поближе познакомиться КГБ, по которым, возможно, тюрьма плачет. Но вот главная проблема: есть бывший офицер и два прапорщика морской пехоты, которые по сей день в розыске за тяжкие преступления. Мирзаян – командир сводного отряда, Кузнецов – заместитель Мирзаяна, Бондарь – прапорщик, взрывотехник. С ними церемониться не надо.

– Так точно.

– Ты спросил: почему спустя восемь лет вспомнили ту историю. Но разве восемь лет это срок? Вон шведский шпион Рауль Валленберг пропал в 1947-м году, якобы мы похитили. Так шведы до сих пор нам покоя не дают, пачками запросы получаем. И только успеваем отписываться. А американцы, если узнают что-то конкретное, – вцепятся мертвой хваткой. Еще вопросы?

– Все ясно.

– Можешь обращаться в любое время, – сказал босс. – Я жду результатов и надеюсь на тебя. Сейчас ступай в приемную. Составь список того, что может понадобиться. Сам выбери, с кем будешь работать. В канцелярии оформят приказ, я подпишу. Надо будет, подключи МВД и наших оперативников на местах. В понедельник получишь все материалы, что удалось собрать по тем событиям. Ну, спрашивай еще.

Черных молча пожал плечами.

– Ну, тогда от себя скажу то, чего в приказе написать нельзя. Те три парня, которых ты будешь искать и найдешь, – отпетые сволочи, сукины дети. Нарушили приказы, бежали из военного госпиталя, как только пошли на поправку. Каково? Дезертировали. Еще с применением насилия. Нанесли травмы средней тяжести контрразведчикам. Угнали служебную машину и скрылись на ней.

– Лихо. Наверняка выправили новые документы, поменяли имена...

– Они ведь – спецназовцы, хоть и бывшие, их всему научили, они сумели бы выжить даже в тылу врага. А уж в СССР, в родной стране, – как рыбы в воде. Владеют всеми видами оружия, любой техникой, машинами, тракторами, подделают любые документы... И в рукопашном бою – не последние люди. Так вот, – с этой тройцей без церемоний. Чуть чего и... Сэкономим родному государству тонну бумаги. С этим все ясно?

– Так точно, – кивнул Черных.

– Я знаю, ты это дело раскрутишь. Найдешь негодяев. Ты не выпускник института благородных девиц, действуй решительно. И помни, что результат будет спрашивать даже не председатель Комитета, а первые лица со Старой площади.

Босс поговорил еще четверть часа, затем повернул голову и посмотрел на циферблат напольных часов, значит, разговор окончен.

Глава 3

Место, где будет работать майор Павел Черных, оперативники и три технических сотрудницы, – это подставная, существовавшая только на бумаге, фирма «Агрегатэкспорт», всего в нескольких кварталах от главного здания Комитета госбезопасности на площади Дзержинского, занимающая часть первого этажа серого восьмизэтажного здания, постройки начала двадцатого века. С парадной стороны три пыльных витрины: за стеклом высокие щиты из пожелтевшего картона, – наискосок надпись синими буквами «Агрегатэкспорт СССР». На переднем плане, близко к витринному стеклу – макеты трактора «Беларусь», дизельного двигателя в разрезе, прицепной косилки-плющилки и комбайна «Дон».

У парадного подъезда, возле вечно запертой двери – стеклянная доска в раме, золотыми буквами на черном фоне то же название – «Агрегатэкспорт СССР», а внизу, буквами помельче, – «при Министерстве внешней торговли СССР». Любому прохожему ясно, – тут помещается контора по экспорту тракторов, комбайнов и запасных частей, – родное государство гонит продукцию в развивающиеся страны, поскольку странам развитым этот хлам, включая косилки, плющилки и знаменитые комбайны «Дон», – без надобности. Странам развивающимся, – нашим добрым друзьям, – за трактора и комбайны платить нечем, но это уже не экономика, а большая политика, от которой простым людям надо держаться подальше, – во избежание неприятностей.

Оперативники попадали в контору через черный ход, спрятанный во дворе-колодце. В такой двор, в эту вечную темноту или полумрак, если понадобится, удобно будет подогнать машину, чтобы доставить сюда или отвезти нужного человека в Лефортовский следственный изолятор или еще подальше, где и искать не станут.

Майор Павел Черных занял место за письменным столом в большом кабинете, отделанном по моде, – светлыми деревянными панелями, и обставленном с шиком руководителя высокого ранга. Вдоль кабинета – приставной стол для совещаний, рабочий стол с несколькими телефонными аппаратами, в том числе «вертушкой» с золотым гербом СССР в центре диска – каналом связи с важными чиновниками, членами правительства и партийными бонзами, для разговоров с руководителями КГБ. Рядом – телефон внутренней связи с оперативниками, которые занимали комнаты вдоль коридора.

Черных открыл сейф, вынул несколько листков с машинописным текстом и большую клеенчатую тетрадь, упал в кресло, закинул ноги на стол и стал шуршать бумажками. В тетрадь он заносил некоторые мысли, наблюдения, чтобы не держать в голове лишней информации, там же была начерчена таблица с именами морских пехотинцев, как убитых во время операции «Гарпун», так и тех, кому повезло, кто выжил. Отдельно – кое-какие адреса и телефоны: жен, детей, матерей, любовниц, – они могут понадобиться в скором времени.

Наверное, герои этой истории, бывшие морпехи Северного флота, стараются забыть прошлое, всю эту чертову операцию, забыть кровь, потерю друзей, предательство. У них давно другая жизнь, но прошлое бежит следом, держит за шкуру и не хочет отпускать. Восемь лет прошло... За эти годы один офицер и два прапорщика скончались. Станислав Ухов, старший лейтенант в отставке, пять лет назад под Новый год пьяным замерз на улице. Прапорщик Иван Ткачук получил увечья во время аварии в котельной, где работал истопником, умер в машине «скорой». Прапорщик Николай Абрамов попал под машину, получил серьезные травмы, умер в крошечной больнице, в Рязанской области.

Чтобы развеять последние сомнения и все проверить, по месту жительства этих граждан побывали оперативники, представились работниками местных военкоматов, поговорили с родственниками, сказали, что хлопочут об увеличении пенсии на умершего кормильца, дело

это непростое, потребует времени, и бюрократы не дремлют. Опера забрали кое-какие документы и фотографии, побывали на кладбищах.

А буквально месяц назад умер еще один участник событий восьмилетней давности, некий Иван Губанов. Проживал в Колпино под Питером, был женат, осталась приемная дочь семи лет и годовалый сын. Лейтенант Губанов умер в квартире любовницы, когда они вдвоем принимали душ. Что ж, список стал короче, сама смерть его проредила, значит, – возни меньше, – он вычеркнул четыре имени фломастером.

Перелистал страницы, – вот те счастливчики, кто выжил и до сих пор неплохо себя чувствует. Как пишут в газетах: «их судьбы сложились по-разному». Некий Вадим Матвеев заочно окончил строительный институт, быстро взлетел наверх, получил должность старшего прораба, начальника СМУ. Теперь он заместитель управляющего строительным трестом. Женат, есть ребенок. Водитель грузовика Роман Ищенко живет в Питере, женат, дочери два годика. Николай Петров – старший товаровед в московской комиссионке, где перепродают импортную аудио-технику, женат, двое детей. Артур Зарецкий – холост, живет в Питере, в одной квартире с престарелой матерью и сестрой. Инвалид первой группы, детей нет, получает пенсию, подрабатывает в церкви...

Эти четверо ни от кого не прячутся, живут открыто и пребывают в заблуждении, что большие неприятности всегда, как было и раньше, обойдут их стороной. С Ищенко и Зарецким можно не церемониться, не надо искать трудных решений там, где все просто и ясно.

Немного сложнее с Вадимом Матвеевым из строительного треста, – человек относительно молодой, но заметный, если что-то с ним приключится, например, встреча с вооруженным бандитом, которая кончится плохо, – поднимется шум. Будут строчить в районной газете, а потом и в областной... Некролог с фотокарточкой Матвеева, а рядом целый очерк под заголовком «Знаете, каким он парнем был?». И запретить этого нельзя. В горбачевские времена газеты получили слишком много воли и слишком мало ответственности, молодые журналисты вытирают ноги о заслуженных людей, не смотрят на чины и звания, все ставят под сомнение...

Но главная проблема – трое военнослужащих, пропавших без вести... Раненые во время операции «Гарпун», они вернулись в Северодвинск на десантном корабле, проходили лечение в госпитале. Когда пошли на поправку – избили контрразведчиков, угнали машину и пропали, будто в воду канули. Наверное, сменили имена, живут неизвестно где, непонятно что замышляют, – от них жди беды. Вопрос в одном – когда рванет этот ящик динамита, точнее, целых три ящика.

Мирзаян, Кузнецов и Бондарь.

* * *

Черных налил из термоса стакан чая, бросил пару кусков сахара, размешал карандашом и стал разглядывать два книжных шкафа, забитых материалами партийных съездов, конференций и пленумов ЦК. На почетном месте в средних рядах – полное собрание сочинений Ленина – пятьдесят огромных томов в строгом темно-синем переплете с золотым тиснением.

На стене над письменным столом большой портрет, – бывший Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, облаченный в парадный светло-серый мундир маршала, с золотыми звездами на груди, сидел у окна с видом на Кремль, смотрел строго, густые сросшиеся брови были нахмурены. Это произведение искусства не сняли с гвоздя по какому-то недоразумению, по ошибке или ждали второго пришествия Брежнева. Рядом портрет Горбачева, тоже под стеклом, этот товарищ в цивильном синем костюме и бордовом галстуке, на лице загадочная, словно у Моны Лизы, улыбка, на заднем плане башенки Кремля.

В углу кабинета – кожаный диван, в нем выдвижные ящики, а в них – свежее постельное белье, на тот случай, если захочется заночевать на работе. Время от времени кабинет убирали,

смахивали пыль с портретов, натирали воском пол, но почему-то здесь витали странные запахи. Так пахнет в поликлинике или амбулатории: нафталином, валидолом, карболкой и еще какой-то дрянью, не имеющей названия.

На столе и книжных полках в беспорядке расставлены памятные сувениры: макет самолета ИЛ-69, бюстики Ленина и Карла Маркса, ракета, летящая к Луне, Гагарин из фаянса, пара вымпелов из велюра на блестящих латунных подставках: «Победителю социалистического соревнования» и еще разная бесполезная чепуха. Черных с первого взгляда влюбился в большой светлый кабинет, была бы его воля, – сидел бы тут до самой пенсии.

* * *

Когда вошел Вадим Ильин, Черных, задрал ноги на стол, допивал чай. Он поставил стакан, тронул подметкой бюст Гагарина, чуть не свалил его на пол. Ильин поздоровался, сел к приставному столику.

– Как успехи? – спросил Черных.

– Успехи есть, – Ильин улыбнулся и потер ладони. – И очень даже впечатляющие. Будь здоров успехи. Вчера вечером мне Ленка звонила, сама. Ну, та блондинка, кудрявая. Она от тебя млеет. Сказала, что в пятницу можно собраться у нее. Еще подружка придет, потрясающая...

– Господи... Я не об этом, не о Ленке.

– А, тогда замолкаю.

– С сегодняшнего дня надо сосредоточиться на бывшем капитане морпехов Сурене Мирзаяне, прапорщике Юрии Кузнецове. Я просмотрел всю макулатуру, которую дали в конторе, и вот что скажу, – в этой истории Мирзаян и Кузнецов – ключевые фигуры. Они подготовили побег из гарнизонной больницы, они избили офицеров контрразведки, спустили с лестницы начальника секретной части и дознавателя, учинили погром, угнали машину. И пропали без следа. Они самые опасные. Ну, и Бондарь следом увязался. Найдем этих парней – и точка. Бондарь сам найдется, он фигура второстепенная.

– Нет вопросов, из-под земли достанем, – продолжил мысль Ильин. – И получим бесплатные путевки, ну, в дом отдыха, в Сочи. Там расслабимся. Итак... Наше меню: вино и бильярд – целый день, до вечера. На десерт – женщины. Строгий отбор, от семнадцати до двадцати пяти. Правда, естьотягчающее обстоятельство. До лета еще далеко.

– Слушай, Вадим, я не требую невозможного. Но в рабочее время – думай хоть иногда о работе. Так вот, надо проверить Мирзаяна и Кузнецова по всем категориям учета. Начать с профсоюзного, – он самый большой. Далее партийный учет. Вдруг наши герои ненароком в КПСС вступили, за такое время все могло случиться. И теперь они борются за дело мира и строят коммунизм. А мы их еще не поздравили.

– Далее Загсы?

– Точно. За прошедшие восемь лет не одна сотня мужчин с такими именами и фамилиями сочеталась законным браком. Наверняка отдельные граждане брали фамилии жен. Надо проверить. Или другой вариант. Может быть, Мирзаян или Кузнецов благополучно скончались. Ну, преждевременно. Если так, то где похоронены? Затем милицейский учет, потом прописка, жилищно-эксплуатационные конторы, ЖЭКи. Дай паспортным столам столько работы, чтобы они неделю потели, но Мирзаянов и Кузнецовых принесли на тарелочке. Всех, ну, кроме древних стариков и новорожденных. Плюс – база данных ГАИ. Возможно, кто-то получал водительские права. Наконец, учет министерства здравоохранения.

– Поликлиники, больницы?

– К каким поликлиникам прикреплены все Мирзаяны и Кузнецовы, подходящие нам по возрасту и описанию. Знаю, ты скажешь, что наши герои давно обзавелись липовыми паспор-

тами, живут под чужими именами и так далее. Скорее всего, так оно и есть. Но мы обязаны отработать все версии. А вдруг?

– Я скажу другое. Если мы пойдем этой дорожкой, то утонем в макулатуре, которую сюда будут присылать со всего Союза. Грузовиками. Справки, ведомости, протоколы...

– Позвоню в контору, попрошу, чтобы нам дали в помощь трех-четырёх женщин из информационного центра. В конце коридора свободная комната, пусть там работают. Когда разберемся с этими категориями учета, копнем глубже. Пока распредели работу между всеми сотрудниками, так мы быстрее продвинемся. Чего думаешь?

– Хм... Кадры из информационного центра не нужны. Там красивых и молодых девушек – ноль целых и две десятых. А если по делу... Надо задействовать золотой фонд – лучших осведомителей. Ведь кто-то что-то видел, слышал... Люди, которых мы ищем, наверняка сталкивались с криминальным миром. Кузнецову и Мирзяну были нужны паспорта, прописка, хотя бы временная. Наконец, водительские права. Тут требуется толковый фармазонщик.

Черных встал, прошелся по кабинету, рассуждая на ходу.

– Кузнецов вырос в детдоме. Можно найти друзей его юности. Он был женат, родился сын. Брак существовал недолго. Надо поговорить с бывшей женой. Возможно, Кузнецов после побега появлялся в Питере, даже жил там, пытался встретиться с ребенком. По Мирзяну... Дай подробное поручение армянским оперативникам. Составь список вопросов, которые надо прояснить. Отправь в Ереван копии его фотографий. Они старые, но других все равно нет.

– Еще что-нибудь?

– Одна тонкость. Скажем, Мирзяну очень легко поменять фамилию. Надо дописать в паспорте всего несколько букв. Не Мирзян, а Мирзянов. Или Мерзянин. Кузнецов мог превратиться в Кузнецовского. Фамилии, близкие по написанию, тоже надо бы проверить. Но это дело долгое, пока отложим. А то и вправду – утонем в бумажках. И тогда операцию «Москва Икс», авось, закончат наши потомки.

– Не понял... А что это за операция «Москва Икс»?

– Хороший вопрос. Ты ведь знаешь, что любые наши мероприятия или операции обозначают на бумаге набором цифр и букв. Но у меня в голове не задерживаются вся эта арифметика. Поэтому про себя называю мероприятия человеческими словами. Вот «Москва Икс», например. Вся эта история началась в Москве, на самом верху. МИД СССР направил самым большим людям этой страны, тем, кто принимает решения, секретное письмо. Так и так, наши дипломаты попали в плен, им угрожает смертельная опасность... А сверху дали отмашку Генштабу Военно-морских сил: надо вытащить сотрудников МИДа из той помойки.

– Я не знал этой предыстории, – сказал Ильин.

– Так вот, начальство из Генштаба ВМФ быстро сварганило свой план, простой и верный. На нашей вьетнамской военной базе в Камране находится десантный корабль и куча морских пехотинцев, вооруженных до зубов и готовых к бою. В Москве принимали все главные решения. И закончиться эта музыка должна именно в Москве, в тюрьме КГБ, в Лефортовском следственном изоляторе. Но есть икс, есть некая загадка, тайна... Ведь мы сейчас не знаем, когда наступит конец истории, и сколько человек до него доживет.

– Понял. Это занятно. Да, чертовски забавно...

Черных остановился возле шкафа с собранием сочинений Ленина, открыл стеклянную дверцу, вытащил наугад первый же том, положил на стол, попытался полистать, но страницы слиплись, – уборщица изредка протирала книги влажной тряпкой, другие страницы не были разрезаны. Видимо Черных оказался первым человеком после уборщицы, который прикоснулся к великому ленинскому наследию.

Он включил радио, сделал звук погромче, наклонился к Ильину:

– Владимира Ильича мы любим, но никто не читает. А все печатаем, печатаем... Я где-то слышал, что ленинских работ в мире издано столько, что их количество чуть уступает количе-

ству библий или цитатников Мао Цзэдуна. И еще жалуемся, что в стране бумаги нет. Кстати, вклейки в эти книжки, все эти портреты, карты, графики, – напечатаны за границей. Мы так красиво не можем. Это к вопросу: на что расходует валюту. Все Ленину...

– Да, не зарастет народная тропа, – придушенным шепотом поддакнул Ильин. – Не зарастет. Хотя давно уж пора...

– Сколько паразитов сделали карьеры на этих книжках. Диссертации защитили, в академии пролезли. Эх, чего говорить...

Ильин вертелся на стуле, как на горячей сковородке, и думал: вот бы письмишке с этой болтовней отправить куда следует, кому следует, и пленку с записью приложить. Черных вытряхнули бы из штанов за пять секунд, из партии, с должности, – отовсюду. Но писать нельзя, сам себя подставишь, себе яму выроешь и окажешься в ней вместе с майором, рядышком, – ты и он.

– Так что Ленке сказать? – уже в дверях спросил Ильин. – Идем или нет?

– Не пойду, – ответил Черных. – Скажи, что я заболел. Ангиной, а не дурной болезнью.

Глава 4

Черных пришел на работу пораньше и снова стал просматривать две тощие папки, которые фельдъегерь принес вчера во второй половине дня. Часть материала хватило времени прочитать вчера, оставшиеся несколько страниц просмотрел по диагонали. В документах речь шла о побеге из северодвинского военного госпиталя трех главных фигурантов дела: Мирзаяна, Кузнецова и Бондаря. Первый вопрос, который сам собой напрашивается: почему бежала именно эта троица? Они были друзьями и могли друг другу довериться. Бежать одному трудно, тут нужна компания. Придумал все Сурен, его выбор пал на Бондаря и Кузнецова – эти не проболтаются.

Черных листал протоколы допросов свидетелей, пострадавших, врачей. Кузнецова и Бондаря держали в отдельных палатах в разных концах коридора на втором этаже, Мирзаяна устроили в палату на третьем этаже, тоже отдельную. Возле каждой двери дежурили два вооруженных матроса. Никакой связи между этими парнями, разумеется, не было. Лечащий врач у всех один – некий Ватутин Иван Ильич, ныне покойный, умер от белой горячки три года назад.

Доступ в палаты имели и другие врачи, медсестры, уборщицы, в общей сложности девятнадцать человек. Когда приходили врачи или сестры, с ними в палате оставался один из дежурных охранников, слушал разговоры и вообще... Да, связи между ранеными быть не могло, но она была. Помогал кто-то из врачей или медсестер. Вечером к Мирзаяну приходили контрразведчики, начинались допросы. Мирзаян симулировал потерю памяти, говорил, что не спит от боли и так далее. Видимо, он уже пришел в себя, оклемался, на нем вообще все заживало быстрее, чем на собаке, – но тянул время, выжидал. «Мне бы еще хоть немного подлечиться, и все вспомню», «Дайте время – и память вернется», – его слова. За две недели контрразведчики прониклись доверием к Мирзаяну, угощали его куревом, отстегивали наручники от кровати.

О чем думал капитан морпехов ночами, когда оставался один? Ему было страшно. Еще неделю больничной жизни, возможно, подарят, – и все. Потом переведут в следственную тюрьму, начнутся настоящие допросы, а не посиделки, потом военный трибунал, длинный срок в крытой тюрьме строгого режима, там, в холодной клетушке, он оставит молодость и здоровье, может быть, сойдет с ума. Когда в следующий раз наручники отстегнули от кровати, он выкурил сигарету, а затем избил контрразведчиков и охрану, связал их бельевой веревкой, переоделся в китель и зимнюю шапку, спустился на второй этаж, где ждали Бондарь с Кузнецовым. Там охранники уже были разоружены и связаны, телефонная связь с больницей нарушена...

* * *

Черных закрыл папки и убрал в сейф, скоро встреча с отставным подполковником второго главного управления КГБ Олегом Ивановичем Глотовым. Лет семь-восемь назад Олег Иванович занимался тем, чем сейчас занят Черных: искал прапорщиков и офицера, бежавших из госпиталя в Североморске. Глотов подошел совсем близко, но нелегкая судьба, чертов случай взяли свое, – Олег Иванович на темной улице заступился за девушку, которую волок в подъезд пьяный амбал, откуда-то появился еще один громила, сунул в спину перо, лезвие задело позвоночник.

Глотов пережил несколько операций, но восстановиться до конца не смог. Чистая и прекрасная с виду девица, из-за которой он потерял здоровье, оказалась кабацкой потаскушкой, ее не поделили два пьяных Ромео. Глупо... Вскоре поменялось руководство госбезопасности, кто-то наверху решил, что чекисты занимаются не своим делом, когда ищут сбежавших дезертиров, – для этого есть милиция. Кое-какие материалы передали обратно в МВД, а розыскное

дело положили в темный сундук и присыпали нафталином. Материалы, собранные Глотовом, вот они, в папке, но в разговоре может вспомниться что-то новое, чего нет в бумагах.

* * *

Глотов, немолодой мужчина с добрым лицом, которого здесь уважительно звали дядей Пашей, пришел раньше времени. Черных поднялся навстречу, пожал руку, помог снять пальто, спросил о самочувствии и подумал, что время людей не щадит, за прошедшие годы Глотов превратился в старика, толстого, с короткой стрижкой седых волос, похожих на птичий пух, ходил он медленно, опирался на палку. Прибавляло лет черное пальто с каракулевым воротником и шапка «пирожок» из искусственной цигейки.

Черных спросил про внучку. Оказывается, она учится в Хореографическом училище при Большом театре, в четвертом классе, подает большие надежды и станет второй Майей Плисецкой, а то и дальше пойдет. Это не стариковские фантазии Глотова, нет, – чистая, правда. Он, пользуясь положением бывшего сотрудника госбезопасности, напросился на встречу с самой Софьей Головкиной, директором этого учебного заведения, этой святыни советского балета, и Головкина, в прошлом блестящая советская балерина, добрая душа, наговорила про внучку таких теплых слов, что сердце расцвело, как чайная роза. И до сих пор, да, цветет. И даже пахнет.

Радует внучка, а ведь конкурс в училище – сто детей на одно место, и все ребятки одаренные, все талантливые, – Глотов пустил слезу, достал платок и с настроением высморкался. Он не отказался от чая, карамели и «юбилейного» печенья, несколько раз поднял голову, с ненавистью посмотрел на портрет Горбачева, хотел сказать что-то ядовитое, сказал другое:

– Вчера жена два часа простояла в очереди, чтобы курицу купить. И перед ней все кончилось. Говорят, дальше еще хуже будет. Все это...

Он допил чай и без лишних вопросов, перешел к делу. Сказал, что в группу оперативников помимо московских оперативников входили коллеги из Еревана. Приказ найти Мирзяна был получен, когда в это дело уже сунули нос менты и военная контрразведка, они везде наследили, потоптались, наделали шума, как слон в посудной лавке, – Мирзян лег на дно и переждал беспокойные времена. Группа Глотова установила, что Мирзян бывал у родителей, в Армении, точнее, в Ленинакане, гостил у них сутки или двое, старался не показываться на глаза соседям, знакомым, но в маленьких городах трудно прятаться.

За домом родителей организовали наблюдение, но поезд ушел, пыль улеглась, наблюдение сняли. Черных вставил слово: родителей Мирзяна уже нет в живых, из близких родственников остались, кажется, дядя с тетей – Артур и Ануш Мирзян. Глотов сделал паузу, он говорил медленно, но голова оставалась ясной, без бумажки помнил все имена. Дядя Мирзяна тоже жил в Ленинакане, но, кажется, собирался переезжать в Спитак.

– Проверили, – кивнул Черных. – Дядя с тетей перебрались в Спитак. Купили хороший дом почти в центре города.

Дядя Паша потерял седые брови и одобрительно кивнул. Вспомнил, что детей у дяди Артура нет, единственный сын умер молодым. Старик, как и покойный отец Мирзяна, занимается ювелирными работами. Наверняка он весьма обеспеченный человек. Сурена с дядей связывали теплые отношения, не исключено, что племянник тайком его навещает. Прошло время, годы прошли, Мирзян наверняка поверил, – так устроен человек, – что все былым поросло, кому он теперь нужен, а был бы нужен, – из-под земли бы достали, – и потерял бдительность. Если Сурен жив, найти его будет проще, чем несколько лет назад, когда он, словно пуганая ворона, боялся каждого куста, и новый день жизни проживал как последний.

* * *

Черных положил перед Глотовым бумажный листок, поделенный надвое вертикальной линией. Справа мертвые, слава – живые. Восемь лет назад на чужой берег сошли тридцать восемь морских пехотинцев, обратно на корабль спасательной командой были доставлены десять морпехов, все ранены, среди них – Мирзаян. Сегодня, предположительно, список совсем короткий, всего семь человек. Большинство бывших морпехов не прячутся, не живут кочевой жизнью. Вот, например, Роман Ищенко, пустил корни в Ленинграде. В той мясорубке был ранен, страдает провалами памяти, работает водителем грузовика, женат, имеет на иждивении малолетнего ребенка. Его несколько раз допрашивали офицеры флотской контрразведки, толка никакого.

Или вот Артур Зарецкий, бывший прапорщик спецназа, живет в Ленинграде с матерью и сестрой, восемь лет назад был тяжело ранен, левая нога ампутирована выше колена, ранение в голову. Получает пенсию по инвалидности, подрабатывает в местной церкви, злоупотребляет... Он тоже не в счет. По-настоящему Черных интересуют только три человека те самые, что бежали из госпиталя: Кузнецов, Мирзаян и Бондарь.

– Ты кури, дядя Паша, – Черных придвинул гостю пепельницу. – Тут без церемоний.

Глотов ценил доброе отношение, ему нравилось, что молодые чекисты уважительно называют его дядей Пашей, приглашают на торжественные мероприятия в клуб Дзержинского, к праздникам привозят продуктовые наборы, все как полагается: палка полукопченкой колбасы, баночка икры, зефир в шоколаде, кофе растворимый, пару пачек индийского чая, курицу, поздравительную открытку за подписью начальника второго главка..... Да, такое отношение заслужить надо.

Как-то пару раз Глотова в среднюю школу приглашали, рассказать детишкам о нелегкой работе правоохранительных органов. Разве он мог рассказать хоть бы, какую историю из жизни, когда давал подписку о неразглашении? И за всякую болтовню на детском утреннике не только хорошей поликлиники и пенсии лишат, – медали снимут, а с ними заодно – и голову. Ничего из жизни контрразведчика рассказать нельзя, ни одного имени, ни намека... В его заглавнике – несколько общих фраз и пожелание детям расти честными, заниматься спортом, беречь родину и завоевания Великой октябрьской революции, – это самое дорогое, что есть у советского человека, ну, эти завоевания революционные. А школьники, что с них взять, они думают, что он бывший милиционер, они про КГБ пока и знать ничего не знают. Ну, жизнь длинная, так она устроена, что с КГБ юные ленинцы еще обязательно познакомятся, не разойдутся.

– Вам бы еще месяц – и Мирзаяна взяли, – сказал Черных. – Я вот хотел совета спросить: с чего начать, как подступиться.

– Сейчас в кино разные иностранные фильмы разрешили крутить, документальные. Хожу, смотрю. Недавно про разные спутники показывали, что, дескать, из космоса можно разглядеть спичечный коробок на ладони человека. Может, оно и так. Но чекистам такую технику еще не выдали. Поэтому и работать надо проверенными методами. У Мирзаяна дядя с теткой... Пусть ночью к ним залезут двое-трое наших сотрудников. Если есть собака – отравить. Когда проникнут в дом, тетку отделать, но не перестараться. Чтобы в больнице она еще пожила. Ну, хоть неделю-другую.

– Племянник попробует пробраться к тетке? Ну, чтобы сказать последнее прости?

– Вот именно. Деда тоже отделать до бесчувствия. На этом остановка, хватит. Никаких смертельных травм. Тут же анонимный звонок в «скорую» – пусть приезжают. Нападавшие, молодые ребята, должны спросить, куда старик заховал ценности и так далее. В доме все перевернуть вверх дном – якобы грабители деньги и золото искали, чистая уголовщина. Следить за больницей. Мирзаян появится, вы его упакуете.

– А если нет? Если решит – слишком опасно?

– В этих ситуациях, когда умирает близкий человек, и ты знаешь, что не увидишь его больше никогда, – решает не голова, а сердце. Он пойдет на любой риск, чтобы увидиться со старухой. Тебе надо глубже изучить личность Мирзаяна. Он вспыльчивый, резкий. С одной стороны, – сильный человек, прошел огонь и воду, награжден медалью и орденом, бывший командир отдельного батальона специального назначения морской пехоты. Поручи ему любое задание, самое опасное, самое безнадежное, – он костыми ляжет, но выполнит. А с другой стороны...

– Что с другой?

– Жалкий сентиментальный человечек, которому эмоции заменяют мозги. Он не умеет управлять собой, не то, что отрядом морпехов. Во время выполнения боевого задания дрогнул, не пристрелил ту сучку, когда узнал, что она беременна. Мирзаян наперед понимал, – за эти фокусы его могут понизить в звании, снять с должности. На месяц отправить в нужник, чистить зубной щеткой пол... И все-таки не кончил ее. Вот в этом он весь. Он придет – это обязательно. Если все-таки не сможет пробраться в больницу, то явится на похороны. Это выше его сил – не проститься со старухой.

– Но он может и не узнать об этом ограблении и про тетку...

– Надо в республиканской газете заметку тиснуть. Даже обсуждение организовать: почему молодость так жестока? И по радио... Ну, чтобы разговоры пошли по всей республике, чтобы до него докатились. Тогда – Мирзаян твой. Или другой вариант: дом поджечь. Да так, чтобы старуха в нем сгорела, а дед получил ожоги и оказался в больнице. Но с огнем шутки плохи, ненароком можно переборщить. Первый вариант мне больше нравится. И еще...

Он вытащил из кошелька бумажку, сложенную вчетверо, положил на стол, сказал, что Рубен – имя воровского авторитета, который в те годы жил в Москве, не исключено, что он знаком с Мирзаяном. Этот Рубен находился в разработке Комитета, но выяснить правду Глотов не успел, дело закрыли.

– Слышал о Рубене?

– Может быть, – ответил Черных. – Надо бумаги поднять из архива.

– Дело давнее. Не знаю, жив ли он. Но проверить можно.

– Конечно, – улыбнулся Черных. – Обязательно.

Он поблагодарил заслуженного ветерана, потискал его мягкую, пахнущую детским мылом руку. Сказал «минуточку», открыл сейф и вытащил оттуда большую бумажную сумку, а в ней три банки мясных консервов, килограмма два апельсинов, пачка овсяного печенья, полкило соевых батончиков «Рот-Фронт», десять пачек сигарет «Пегас», крепких, с фильтром. Главное, приличный кусок мороженой говядины с костью, из такого мяса не борщ варят, – мечту. Глотов обрадовался, как дитя, аж глаза увлажнились. Он снова вдохновенно высморкался, схватил сумку и убежал, словно боялся, что Черных передумает и отберет гостинцы, тогда внушка, будущая звезда балета, останется без апельсинов.

Проводив коллегу, Черных побродил по кабинету, размышляя о превратностях судьбы, о слепом случае и о том, как тесен мир. С Рубеном, воровским положенцем и, по совместительству, нештатным осведомителем КГБ, он ужинал месяца два назад, тогда понадобилась консультация по одному пустяковому вопросу.

Глава 5

Черных коротал время за чтением газеты, дожидался телефонного звонка. Скоро он отправится на Чистые пруды, там, в индийском ресторане, похожем на аквариум, стоявшим между двух прудов, назначена встреча с законным вором Рубеном Губановым, по отцу он русский, по матери армянин. Рубен давно сотрудничал с КГБ, это спасало от длительных тюремных сроков и вообще – от неприятностей с милицией.

Он информированный человек с непростым характером, – некоторое время назад он сел на иглу и постепенно превратился в психопата, готового сорваться с нарезки из-за любого пустяка, его побаивались даже свои, правильные воры. Говорят, он хороший стрелок, не расстанется с «браунингом», ножичком иногда балуется. На всякий случай Черных проверил пистолет, передернул затвор, взвел курок, положил ствол в верхний ящик стола, прикрыв вчерашней газетой.

Мысли оборвал телефонный звонок. Это был Рубен, он же Семеныч, он же Крендель, он же Царь Соломон. Сказал, – не хочет идти, куда запланировали, там кормят плохо, лучше встретиться в то же самое время, но в «Салюте», – это рядом с мостом, где прошлый раз толковали. Там подают мясную солянку, румынское вино и беленькую русскую. Черных положил телефонную трубку, взял пистолет, снял курок с боевого взвода. И вправду, добрый ужин под рюмочку не помешает.

Черных полез в сейф, взял из толстой пачки несколько крупных купюр, сунул в бумажник. Во внутренний карман пиджака запихнул запечатанный конверт. Он позвонил по внутреннему телефону Ильину, сказал, что уходит, сегодня не вернется.

В пятом часу Черных вошел в ресторан, сказал администратору, человеку неопределенных лет в синем пиджаке с золотыми пуговицами, что его ждет друг, свернул в зал, полный пестрой публики. В клубах табачного дыма плавали официантки, не очень молодые и не очень симпатичные, крутили записи Джо Дассена и еще каких-то иностранных певцов. Рубен сидел за столиком у окна, это был худой человек лет пятидесяти с гаком, костюм болтался на нем как на вешалке, руки беспокойные, пятерней он то и дело откидывал назад волнистые седеющие с желтизной волосы, недоверчиво щурил глаза, похожие на жирные маслины. Лицо напряженное, будто одеревеневшее.

Он поприветствовал Черных кивком головы и сразу перешел к делу:

– Принес?

Черных молча, достал пакет и сунул его под стол, в чужие дрожащие руки. Морщины на лбу Рубена разгладились, он поднялся, исчез в табачном дыму, у него старый приятель, кажется, директор этой помойки. Подошла официантка в синеньком платье и передничке, очень любезная, с нарумяненными щеками и густо подведенными бровями. Черных заказал солянку и биточки, дальше, про водку и пиво, объяснять не стал, он тут свой, раз его пустили за столик человека, которого знают и уважают. Черных смотрел через тюлевую занавеску на тени пешеходов, представляя, как Рубен скинул пиджак, сидит за директорским столом, закатив выше локтя рукав рубашки. Он обломал ампулу, наполнил морфином шприц.

Спустил толстые бордовые подтяжки, вошедшие сейчас в моду, использует их вместо резинового жгута, перехватил руку выше локтя, натянул подтяжки зубами. Теперь волнуется, ищет иголкой вены, от которых почти ничего не осталось. Черных, томимый жаждой, опрокинул стопку и закурил. Рубен вернулся быстро, теперь он выглядел бодрым, помолодевшим лет на десять, зрачки сузились, глаза засветились молодым блеском. Под столом он передал половинку тетрадного листка, на нем всего три слова: Сурен Погосян, Ереван. Черных испытал приступ легкого волнения. Он никогда не слышал этого имени, никогда не знал этого человека, но если наводку дал Рубен, – значит...

– А с чего ты решил, что я знаю этого парня? – спросил он.

– Слухами земля полнится, – ответил Черных. – У тебя были с ним общие дела?

– Намечалась одна сделка, но сорвались. Он хотел продать пару вагонов стирального порошка «Лотос». Ну, я его свел с одним человеком, которому был нужен этот долбаный «Лотос». По правде сказать, я видел Сурена всего один раз, в ереванском кабаке что-то праздновали. Тогда, помню, Сурен поил и кормил целый стол народа, так швырялся деньгами, будто на следующий день деньги отменяют и объявят коммунизм. И ничего нельзя будет купить на миллионы, спрятанные в грязном матрасе. Говорят, хрустов у него как грязи, лайбу меняет каждый год. Берет только белые «Жигули». Любит красиво пожить. Видно сразу, что ему никогда рога не обламывали. И в стойле он еще не был.

– Нет ошибки?

– Я редко ошибаюсь.

Черных выпил рюмку, глотнул «Боржоми» из бокала и перевел дух. Неужели поиски, которые могли отнять многие недели, даже месяцы, подошли к концу, толком не развернувшись по-настоящему? Не успев прицелиться, попали в десятку.

– Что ты о нем знаешь? – спросил Черных.

– Сурен договаривается с директорами предприятий, чтобы ему направляли левак, ну, неучтенный товар, и перекидывает его. Все подряд: мебель, ковры... Плюс спекуляция ювелирными изделиями. За такие дела ему можно ярмо натянуть лет на двадцать.

– Ювелирными изделиями? – Черных вспомнил, что покойный отец и дядя Сурена Мирзаяна – ювелиры.

– Подробностей не знаю. Тот Сурен появился в Ереване лет десять назад или около того. Уже тогда у него были деньги. Он купил должность заместителя начальника железнодорожного склада и начал товар дербанить. Сначала потихоньку. Потом поднялся до заместителя директора крупного склада, через который гонят дефицит. Так от железки и кормится. Сейчас, когда все начальство помещается в его кармане, он уже не стесняется. Так что, кидай мозгой, чего делать будешь.

Торопясь, Черных доел солянку и опрокинул рюмку водки.

– Если все правильно, с меня премия. Хрустики подсыпать или лекарство?

– Мне фанера без надобности, – Рубен постучал ладонью по груди. – Ты мне срасти вот этого самого, чего сегодня принес. В Москве ваши же чекисты за горло взяли и живьем режут.

– Я слушал, у тебя какие-то неприятности? Если что, помогу.

– Пока ничего серьезного.

– Может, нужен хороший адвокат? – пошутил Черных.

– На кой черт он мне нужен? – с тех пор, как Рубен сел на иглу, он перестал понимать шутки.

– Хороший адвокат всем нужен. Даже невинным младенцам.

* * *

Черных так спешил, что не стал вызывать казенную машину, остановил частника и, предъявив удостоверение офицера госбезопасности, приказал водителю отвезти к его «Агрегатэкспорту». Когда приехали – сказал «спасибо», но денег не дал. В кабинете, упав в красное кресло, он сделал несколько телефонных звонков, сначала в информационный центр, – запросил справку на Сурена Погосяна, но не бумажную, пусть пробьют эту личность и сразу по телефону прочитают, что на него есть. Через полчаса он знал все, что хотел.

Черных вызвал Ильина, который сегодня дежурил до полуночи, изложил суть дела. Ильин должен подобрать трех-четырех оперативников и сейчас же, немедленно, отправить их во Внуково, там они получают билеты до Еревана на ближайший рейс. Если билеты проданы, с само-

лета снимут пассажиров. Оружие взять с собой. Гостиницу заказать, утром оттуда московских гостей отвезут в республиканский КГБ, к тому времени придет письменный приказ из Москвы, что делать и как. Сначала надо наладить слежку за неким Суреном Погосяном, отработать его контакты, установить прослушку, действовать осторожно, обо всем докладывать в Москву, – что и как. Привлекать самых опытных армянских оперов.

– Неужели Мирзаян нашелся? – спросил Ильин.

– Похоже, что так, – улыбнулся Черных. – Если информация точная, возьмем его. В Лефортовском СИЗО он запоем, как Муслим Магомаев, не хуже. Или как Лев Лещенко. Честное слово. У нас на него информации немного. Не женат, детей не имеет, родственников почти не имеет, близких друзей не имеет, живет один, занимает не самую видную должность, – тут даже у нас точных данных нет. Заведует, кажется, железнодорожным складом. По оперативным данным поддерживает контакты с местными цеховиками, подпольными ювелирами и работниками торговли. Возможно, замешан в хищениях на железной дороге, в валютных спекуляциях. Непуганый товарищ.

– А по Кузнецову новостей нет?

– Пока ничего.

Ильин ушел, Черных допил остывший чай, вскипятит чайник, усевшись возле журнального столика, сделал чашку растворимого кофе. Спустя часа полтора позвонил Ильину, спросил, собрана ли в ереванскую командировку группа оперативников, оказалось, они уже получили все бумаги, скоро выедут во Внуково.

Глава 6

Ильин в середине дня покончил с бумажной работой, перекусил парой прихваченных из дома бутербродов и подумал, что сегодня удастся смотаться пораньше, поручений начальства пока нет и, дай бог, не будет. Но он ошибся, позвонил Черных и вызвал к себе.

Начальник был без галстука и пиджака, в мятой рубашке, брюки поддерживал не ремень, а широкие помочи. В темных усах хлебные крошки, лицо помятое, видимо, он тоже пообедал в кабинете, поспал на кожаном диване, – и приснился нехороший сон. Проснувшись, он скурил сигарету, уселся в кресло, водрузил ноги на стол, подложил под них том из полного собрания сочинений Ленина. И все-таки свалил на пол фаянсовый бюст Гагарина, – так свалил, что у первого космонавта ко всем чертям откололась голова. Но Черных даже не потрудился осколками собрать, он выпил чаю, потому что кофе кончился, и тут, видимо, его осенила шальная мысль.

Ильин плотно прикрыл за собой дверь, сел к приставному столику для посетителей, стал разминать сигарету. Табак был сырой, пахивал плесенью и навозом. По дороге на работу Ильин наткнулся на табачный киоск, куда только что привезли товар, и очередь была еще небольшая, – всего человек тридцать. Он простоял полчаса, заплатил рубль восемьдесят копеек и взял десять пачек «Краснопресненских», – больше одному человеку на руки не давали.

– Хочу тебя озадачить парой поручений, это важно, – сказал Черных. – Юрий Кузнецов, как известно, у нас – детдомовский. Родни нет. Кроме старой тетки, живущей в подмосковном Зарайске, – никого. К тетке съездил наш оперативник, написал отчет, на словах добавил, что эта старая дура ничего не знает и не помнит. Мы уже об этом говорили, – у Кузнецова наверняка остались не только друзья молодости, не только собутыльники. Остались и... Ты чего куришь?

– «Краснопресненские», утром взял.

– Навозом воняют, дышать нечем. Вон «Ява» лежит, ну, где календарь...

Черных не сразу вспомнил, о чем говорил, пощелкал пальцами, словно хотел поймать ускользнувшую мысль. Наконец сказал, что знакомился с личным делом прапорщика Юрия Кузнецова, обратил внимание на донесение одного стукача, еще из Североморска, старое донесение, оно было составлено, когда той заварухи, операции «Гарпун», еще и в проекте не было. Три тетрадных листочка, исписанные от руки кудрявым почерком. Легко было пропустить эти бумажки, но любопытство взяло верх...

Короче, стукач пишет, что Кузнецов во время несения службы завел роман с врачом из военного госпиталя, в донесении сказано: молодая, симпатичная женщина Алевтина Ивановна Крылова, не замужем, терапевт, приехала по распределению из Питера. Написано, что Кузнецов не шел, а летел к ней на свидания. В хорошую погоду они гуляли по набережной, стояли на пирсе... Иногда о политике разговаривали, смеялись и обкладывали Политбюро ЦК КПСС и все коммунистическое руководство страны чуть ли не трехэтажным матом.

Этот Кузнецов – красивый малый, и анекдотов много знает, – ничего удивительного, что женщины за него цепляются, как колючки за штаны. Кадровики не поленились, украсили личное дело прапорщика фотографией этой Алевтины, но эта линия, любовная, выпала после истории с побегом, никто не пытался найти Кузнецова через его тогдашнюю любовницу, а ведь надо было поинтересоваться этой особой, где она, чем занимается, как жизнь сложилась...

– Я бы не стал обращать внимание на показания какого-то безграмотного стукача, – буркнул Ильин. – Тоже мне, специалист широкого профиля. И по делам сердечным, и по анекдотам. Розыскное дело Кузнецова я читал, видел этот рапорт. Там больше эмоций, чем фактов. Безграмотное донесение. Единственное... Врачиха – женщина интересная. Это – да. На Таньку похожа. Ну, с которой я месяц встречался – и все без толку...

– Ну вот, на Таньку похожа. Значит, все сдвинулись с мертвой точки, если даже ты заинтересовался. Судя по рапорту, эта парочка пьянствовала, трахалась и травила политические анекдоты. Внештатный осведомитель делает вывод: обычное скотство, половая распущенность и нигилизм. А на третьей страничке его же рукой написано: возможно, – это настоящее, глубокое чувство. Любовь... Тут явное противоречие. И где, правда, и где ложь? Неизвестно. И стукача не спросишь. Он умер от дизентерии в Северодвинске. И давно уж в аду стучит, ну, кому там у них стучат, не знаю... Может быть, самому дьяволу.

– Ну, будем считать, что нашему стукачу и на том свете нашлось занятие. На мой взгляд, про Кольцова – это ерунда. Дела давно минувших дней. Было, не было... А если и было, то быльем поросло. Столько лет прошло. Что в этом копать...

– Нет, дружище, тут важно разобраться. Алевтина попала на работу в госпиталь по распределению после института. Закрутила роман с Кузнецовым, хотя наверняка могла найти кого-то повыше прапорщика. Отбарабанила три года, а затем, спустя месяц-другой после его побега, вернулась в Питер. Весьма вероятно, что она там встретилась с Кузнецовым, как-то ему помогла... М-да, жаль, что чекисты эту линию тогда не проверяли, они, видимо, решили: Кузнецов красивый мужчина, давно потерял счет своим победам. А врача из госпиталя, – если и была, – забылась на следующий день. Они не посмотрели на фотографии Крыловой, не заглянули в ее личное дело, а если бы заглянули, поняли: таких женщин не забывают. Вдруг Кузнецов по сей день любовь крутит с этой особой?

– Господи... Любовь восьмилетней выдержки? Женщины – не коньяк. Они – продукт скоропортящийся. И эта Алевтина давно прокисла.

Черных рассмеялся, потом сделался серьезным и сказал:

– По себе судишь, Вадим. Мы проверим эту версию. Сейчас Крылова работает врачом-терапевтом в ведомственной поликлинике в Питере. Ее муж, по иронии судьбы, – высокий чин в контрразведке Северного флота, Попов Максим Иванович, капитан второго ранга. Имеет доступ к секретным бумагам. Крылова не переехала в Северодвинск к мужу, живет в Ленинграде, почти в центре, он часто бывает у жены. Наверное, гражданин Попов боится свою красавицу одну оставить. Вернувшись неожиданно, без звонка, заглядывает под кровать и проверяет шкаф. Я поговорю с начальством, ленинградские чекисты получают приказ понаблюдать за этой особой. Надо послушать ее телефон, пусть питерцы присылают нам записи разговоров. И распечатки. Ты будешь отвечать за все эти мероприятия. День и ночь оставайся с ними на связи.

– Еще что-нибудь?

– Да, пожалуй. Как я уже сказал, Попов, муж Алевтины служит в контрразведке Северного флота. Надо направить по месту его службы запрос: просим провести повторную проверку по факту дезертирства восьмилетней давности капитана Сурена Мирзаяна, прапорщика Юрия Кольцова и Константина Бондаря в связи с тем, что в деле, которым теперь занимается КГБ СССР, открылись новые обстоятельства. И копию запроса – в штаб ВМФ.

– Что именно мы хотим знать?

– В запросе надо подчеркнуть – нас интересуют обстановка и условия быта сотрудников и пациентов военного госпиталя, создавшие возможность для преступления. Да, это звучит страшновато. Почти как обвинение в госизмене врачей и охраны, которые превратили режимный госпиталь в проходной двор. Да, это почти обвинение...

– И что дальше?

– Контрразведчикам необходимо повторно опросить свидетелей побега, в частности, – персонал гарнизонной больницы, от медсестер, палатных врачей до главного врача и начальника военного госпиталя. Нагони напряжения, страху на контрразведку. Пусть за голову схватятся: сегодня КГБ копает под врачей, а завтра под зад коленом вытряхнут флотских контрразведчиков. С волчьим билетом. Пусть эти раздолбаи проснутся и почешутся.

– Так в чем же наш интерес? Зачем мы это затеваем?

– Запоминай ответ. Нам надо, чтобы Максим Иванович Попов, муж Алевтины, как только прочитает запрос КГБ, страшно забеспокоился: за свою карьеру, за свое благополучие, за свою шкуру, за красавицу жену. Я уверен, что прочитав этот документ, он серьезно поговорит с Алевтиной...

– Ему она все равно ничего не скажет про свои прежние романы, хоть режь ее, – усмехнулся Ильин. – Она скорее умрет, чем заговорит о Кузнецове. Женщин знать надо, надо представлять...

– Вот я тебе и поручаю эту любовную линию, как тонкому знатоку женского пола, – усмехался Черных. – Возможно, Попов в курсе, что у Алевтины был роман с неким прапорщиком. Как только муж, сделав жене выговор, уйдет, она будет искать контакты с бывшим любовником. Ну, чтобы предупредить о близкой опасности. Она просто не сможет иначе. Потому что, – я это нутром чувствую, – она Кузнецова до сих пор любит. И сдуру, в минуту благородного волнения, воспользуется домашним телефоном, чтобы поговорить с ним. И все, – тут конец истории. Мы прихлопнем Кузнецова...

– Теперь понял, – сказал Ильин. – Что ж, сыграем партию.

Он что-то записал в блокноте и, злой на начальника, на весь мир, ушел к себе. Ему не нравилась предстоящая бумажная работа с распечаткой телефонных разговоров, их чтение, не нравилась эта врачиха, хотя, он видел Алевтину на фотографиях, и отметил про себя, что она настоящая красотка, но команды отдает не он, а Черных, – значит, надо подчиняться. Черных – чекист опытный, сообразительный, поэтому его и держат на этой должности, поэтому анонимки кладут под сукно. Вадим Ильин поправил сам себя: ну, все это – до поры до времени. Сегодня начальство любит и ценит майора, а завтра под зад коленом, и поминай, как звали.

Часть вторая: Сурен

Глава 1

Сурен Погосян заметил слежку только сегодня, когда вышел из подъезда многоквартирного дома и остановился, чтобы прикурить. Налетел ветер, погасил огонек зажигалки. Неподалеку от старых гаражей стояла серая «Волга» с надписью «геологоразведка» вдоль кузова. Он подумал, – кажется, эта машина попадалась на глаза второго дня у кафе «Мимоза», но водитель другой, тот был узкоплечий парнишка с тонкими усиками, а сейчас – плотный дядька средних лет. Он слушал радио, козырек кепки надвинут на лоб, очки с дымчатыми стеклами, на заднем сидении двое мужчин, лиц не разглядеть.

Сурен докурил сигарету и подумал, что погода теплая, даром что декабрь. Он открыл багажник белых «Жигулей», сделав вид, будто что-то ищет или перекладывает с места на место, косил взглядом на чужую машину. Заднее левое крыло помято, на водительской двери приметная царапина, ошибки нет, эту же «Волгу» он срисовал позавчера, – открытие неприятно удивило Сурена.

Он сел за руль и повернул ключ в замке зажигания. После полудня встреча с хозяином частного стоматологического кабинета, который на прошлой неделе взял золото для коронок, а заплатить обещал сегодня. Конечно, дантист может сам привезти деньги, вообще это дело не самое срочное, но Сурен, словно курьерский поезд, точно следовал расписанию и не отменял встреч из-за пустяков.

Итак, для начала нужно отвезти одной даме, Зое Ивановне, жене крупного партийного сановника, гарнитур: браслетик с крупным сапфиром и бриллиантовой россыпью, кольцо и серьги. Это русская женщина, подлаживаясь под вкусы мужа, красится в блондинку, у нее пышные формы и грустные коровьи глаза. Если дамочка успела собрать наличные, – наверняка она очень старалась и задобривала мужа, – то расплатится уже сегодня, не откладывая в долгий ящик, – вещи редкие, если что, – уйдут моментально. Зое надо позвонить с полдороги, спросить о деньгах. Для деловых разговоров Сурен, осторожный, внимательный в мелочах, использовал городские таксофоны.

Он ехал в сторону центра, в зеркальце заднего вида появлялась и пропадала знакомая «Волга», на перекрестке она притормозила, свернула, из-за поворота показались синие «Жигули», приклеились сзади. Он миновал мост Победы, остановился у палатки и купил батон хлеба в бумажном пакете, зашел за угол дома, плотно закрыл дверь телефонной будки и набрал номер Зои.

– Дорогой Суренчик, жду вас с раннего утра, – Зоя говорила грудным, волнующим голосом. – Сегодня проснулась с мыслью, что у меня праздник. Что вы привезете мои игрушки.

Зоя достаточно умна, чтобы не называть вещи своими именами. Когда он вернулся к машине, синие «Жигули» стояли сзади, метрах в пятнадцати, водитель позевывал, смотрел в небо, пассажир разворачивал газету «Советский спорт». Сурен положил пакет с хлебом на пассажирское сидение и завел машину, он отщипывал кусочки батона, опускал их в рот, прикидывая, кто по нему так соскучился: милиционерам или гэбэшникам. Рубль за сто, – чекисты, тут и думать нечего, милиционеры просто не способны вести слежку с таким размахом, – на нескольких машинах, используя одновременно не меньше десятка оперативников. Хорошо, пусть так, пусть это чекисты...

Но зачем госбезопасности понадобился какой-то Сурен из Еревана, пусть человек не последний в бизнесе, но, по большому счету, – не самый значительный, и не самый богатый. Далеко не самый богатый... Почему же именно он? В Ереване нет нищеты, какая давно царит во многих русских городах, здесь больше миллионеров, чем в Москве или Питере. Бери любого и мотай срок, но почему-то начали с Сурена. Мысли неспешно сменяли друг друга, будто он размышлял о постороннем чужом человеке, а не о своей судьбе.

Среди деловых людей ходили слухи, будто Генеральный секретарь КПСС Михаил Горбачев дал указание председателю КГБ закончить расследования дел о хищениях в республиках Средней Азии, и сразу ударить по Армении, – пересаживают всех воров, цеховиков, а заодно и тех, кто не дружит с родной коммунистической партией. В Средней Азии тоже начали с мелкой рыбешки, директоров совхозов, закупщиков хлопка, а потом поднялись выше, брали за жабры больших людей и штамповали судебные приговоры: двадцать пять лет крытой тюрьмы особого режима, плюс конфискация имущества, минус дальнейшее поражение в правах. Похоже, и здесь начинается... Поначалу больших боссов не тронут, зацепят рыбешку помельче, вроде Сурена, а там, – как пойдет.

Ему могут предъявить восемьдесят восьмую статью, и еще пришьют подлог, мошенничество, спекуляцию ювелирными изделиями, скупку и хранение валюты... Выбьют показания, заставят все подписать или подпишут за него. Посадят рядышком на скамью подсудимых еще десятка два таких суренов... Санкция: от десяти до двадцати пяти лет тюрьмы или расстрел с конфискацией имущества. Когда кончится этот показательный цирк, в центральных газетах дадут заметки в несколько строк: приговор приведен в исполнение. Чекисты получают внеочередные звания, государственные награды и возьмутся за жуликов с партийными билетами, за тех, кому есть, что терять в этой грешной жизни.

Да, не очень весело...

Синие «Жигули» пропали, на хвост села черная «Волга». Он быстро перестроился в левый ряд, свернул на узкую улицу, «Волга» катилась за ним, как привязанная. Сурен снова оказался на проспекте, перестроился в левый ряд и сбавил скорость.

По опыту, слава Богу, опыту чужому, он знал, – слежка может продолжаться долго, недели, даже месяцы. Сейчас чекисты проверяют его контакты, слушают телефонные разговоры, они не будут спешить, сошьют крепкое дело. Все это так, но, если посмотреть в глаза правде, – слежка идет в открытую, чекисты действуют нагло, почти не прячутся, – это плохо. Значит, они хотят задержать его не через недели или месяцы, а совсем скоро, со дня на день. Может быть, счет идет уже на часы. Важно не показать, что напуган, не начать суетиться.

И еще... На дне души, в крошечной темноте, оставался острый осколок, догадка, которая царапала сердце: может быть, дело не в том, что он, по понятиям чекистов, темный делец и валютчик, по которому тюрьма плачет, на самом деле есть другие причины для этой слежки, для его задержания и... С ним не станут церемониться, никакого следствия, свидетелей, протоколов, заседателей, судьи. Только несколько допросов, бесконечных, страшных, – и все.

Он исчезнет без следа, спустя месяц где-нибудь в придорожной канаве или на свалке найдут обгоревший труп, непригодный для опознания, или части тела, это не так важно. Думать об этом не хотелось, но он думал, и чувствовал, как по спине пробегал холодок, будто кожу трогают стеклянной палочкой, душу мутит страх.

* * *

Что делать дальше, с чего начать... Из близких родственников у него только дядя Артур и тетка Ануш, живут в ста километрах от Еревана. Надо увидеть Артура, может быть, последний раз, посмотреть ему в глаза, поговорить. Надо повидаться с Леной, русской женщиной, которую он любил, которая могла бы стать его женой, но пока это невозможно. Лена живет в том же городке, что и дядя. Да, – это главные дела, останется еще множество мелочей, но они подождут.

Сурен знал: когда-нибудь настанет черный день, за ним придут, в дверь постучат. И надо будет вылезать в окно, и бежать куда-то без оглядки. Что ж, он готов к такому раскладу, в тайнике есть деньги, есть машина в гараже, о котором никто ничего не знает, он может исчезнуть быстро, войти в одну дверь и выйти из другой двери, другим человеком. Советский Союз

большой, прятаться можно долго, были бы деньги и друзья. Жизнь в бегах – это совсем не то, о чем Сурен мечтал, не к этому он стремился, но судьба беглеца лучше, чем тюремная клетка, набитая немытыми отморозками, или пытки, сводящие с ума.

Он покрутился по центральным улицам, старясь оторваться, – не получилось. Тогда Сурен оставил машину возле рынка, вышел, потолкался у прилавков, заглянул в общественный туалет, заперся в кабинке и выкурил сигарету. Снова побродил по рынку, прибавил шаг, завернул за мясной павильон и ушел в проходной двор через дыру в заборе.

Спустился вниз по улице, поймал такси, пообещав водителю два счетчика, вскоре оказался возле красивого восьмиэтажного дома, где жили высокие партийные и государственные чиновники, другие уважаемые люди, потерявшие счет своим миллионам. Сурен пообещал таксисту хорошую премию, если тот подождет полчаса, только не надо стоять на этом месте, лучше проехать вниз по улице до магазина «овощи-фрукты».

* * *

Он поднялся на шестой этаж, сунул руку во внутренний карман пиджака: коробочка с драгоценностями на месте, позвонил в квартиру Зои Ивановны, открыла скромно одетая горничная. Зоя в длинном халате с диковинными лилиями и райскими птицами ждала в большой комнате, парикмахер ушел полчаса назад, сделав хозяйке даже не прическу, а высокое птичье гнездо, где поместятся две взрослые птицы и выводок. Пахло от Зои словно от цветочной клумбы, что напротив горкома партии.

Хозяйка смотрела на Сурена взглядом безнадежно влюбленной коровы, мечтающей о взаимности. Она хотела, чтобы красавец с точеным лицом, отвязал колокольчик, потянул веревочку и увел ее в лес. Сурен вежливо поздоровался и покосился на портрет в тяжелой золоченой раме, – муж Зои, известный партиец, в военном френче с орденом Ленина на груди стоял на фоне горных вершин и восходящего солнца, похожего на истертый пятак. Он был немолод, сед, с узкой грудью и большим отвислым носом. Лучший художник Армении старался превратить супруга Зои Ивановны в мужественного красавца, вложив в портрет все мастерство и талант, щедро отпущенный Богом, – но до конца с задачей не справился.

Зоя опустила крышку секретера, достала из ящичка увеличительное стекло, вытащила драгоценности из футляра. С видом знатока она разглядывала гарнитур минут пять, задавая Сурену пустые вопросы, потом ей все это надоело, она сложила драгоценности в футляр, ушла, вскоре вернулась с деньгами и объявила, что сейчас они будут пить кофе, но если есть желание, – можно и коньячка. У Сурена не было времени, не было желания, но только что он заработал две с половиной тысячи рублей, даже не ударив пальцем о палец, отказать хозяйке – нельзя.

* * *

Они сидели друг против друга за кофейным столиком и болтали ни о чем. Иногда Зоя низко наклонялась, чтобы добавить сливки или взять конфетку, и на несколько секунд застыла, не замечая, что халат распахнулся на груди. Сурен сглатывал слюну и с трудом отрывал взгляд от прелестей хозяйки, ерзал в кресле, старался смотреть в окно. Зоя небрежно провела рукой по коленям, полы халата разошлись, она выставила напоказ ровное колено и бедро, гладкое и розовое. Сурен стал смотреть в окно еще внимательнее, еще пристальнее. Там ничего не происходило, только пролетел самолет, оставив за собой белую полосу.

Зоя щебетала о сестре, которая живет в Москве и пишет, – по телефону об этом говорить нельзя, – что магазины стоят почти пустые, за любыми продуктами очереди, трудно купить даже стиральный порошок и детский крем, а уж про обувь или приличную одежду, – говорить

нечего, они пропали давно. Даже сигареты, – и те трудно достать. Зоя высылает сестре вещи, которые покупает здесь, в партийном распределителе.

Может быть, жене высокого партийного чиновника не позволены крамольные речи, но Горбачев, у которого от собственного величия ум за разум зашел, этот бывший секретарь ставропольского обкома партии, – ничтожная личность с причудами, пустой говорильней, – доведет людей до того, что даже здесь, в Ереване, население будет ходить голым и в лаптях, вместо вина пить ржавую воду из крана, вместо шашлыков есть зеленые сосиски с просроченным сроком годности.

И еще: Горбачев заставляет местных партийцев выполнять бессмысленные унижительные поручения. Раньше муж Зои Ивановны возвращался домой в пять вечера, ну, если с друзьями не засидится. Он отвечает за сельское хозяйство, но в колхозах бывает редко, потому что ему там нечего делать, он слишком большой человек, чтобы овцам и баранам хвосты крутить, как простой скотник.

А теперь, – Зоя всхлипнула, – муж с раннего утра до позднего вечера ездит на какие-то стройки, в колхозы, к фермерам. Он сам на себя не похож, похудел и осунулся, возвращается поздно, с темным лицом, от него нехорошо пахнет, – навозом и мочевиной, и еще чем-то отвратительным... А как еще может пахнуть человек, весь день, проторчавший в кошаре или в свинарнике. Ночью роскошная женщина лежит в кровати, смотрит в темный потолок, слышит храп мужа, вдыхает эти отвратительные запахи, – они не исчезают после душа, – и чувствует себя женой нечистоплотного безграмотного пастуха, и вообще, если бы не этот портрет на стене, Зоя забыла бы, как муж выглядит. Она смахнула набежавшую слезинку. И снова наклонилась над столиком, еще ниже, чтобы гость сполна насладился зрелищем и что-то решил, – хочет он эту женщину или... Впрочем, никаких «или».

Сурен тяжело вздохнул, допил кофе, наговорил комплиментов и стал прощаться. Зоя не обиделась, хотя была немного разочарована, подумала, что в следующий раз этот красавчик отсюда просто так не уйдет, ведь он мужчина из крови и плоти, а не из камня, нет, из ее ногтей он не выскользнет. Зоя проводила гостя до двери, попросила привозить интересные вещички, вроде сегодняшнего гарнитура, или просто позвонить, когда станет одиноко и захочется немного внимания, ласки и доброго слова.

* * *

После визита Сурен чувствовал себя уставшим, будто не кофе пил с приятной женщиной, а мешки ворочал на товарной станции или целый день, как муж хозяйки, торчал в кошаре или свинарнике. Зоя Ивановна хочет любовных приключений, но близкие отношения с клиентами – это против правил, или бизнес или постель, – третьего не дано. Он сел в то же такси, вспомнил про дантиста, но назвал водителю другой адрес.

Вскоре он оказался во дворе старого дома, вошел в подъезд, поднялся на третий этаж, постучал кулаком в дверь, потому, что звонок не работал. Послышались шаги, щелкнул замок. Сурен переступил порог, закрыл за собой дверь. Перед ним стоял дядя Миша, мужчина лет шестидесяти в майке без рукавов и трусах. Пахло водкой, какой-то сивухой и несвежей рыбой, в комнате кто-то храпел.

– Для меня что-нибудь есть? – спросил Сурен вместо приветствия.

Дядя Миша присел перед тумбочкой, покопался в ящике и вынул конверт.

– Я хотел сегодня занести, ну, вечером... Письмишко два дня как пришло. Но я болел, не вставал, не мог... Кашель замучил.

Судя по штемпелю, письмо пришло пять дней назад из Питера, обратного адреса нет. Сурен оторвал бумажную полоску, вытащил листок ученической тетради, на нем только три слова: «Все плохо, приезжай». Он вышел на лестницу, спустился вниз и закурил. Дела закруг-

лились к четырем вечера, Сурен вернулся на рыночную площадь и забрал машину. До дома его сопровождали бежевые «Жигули», во дворе стояла та самая «Волга» с надписью на кузове «геологоразведка».

Глава 2

Сурен перекусил и стал бесцельно бродить по комнатам. Это была большая, точнее две большие квартиры на одном этаже, соединенные между собой, обставленные мебелью в стиле Людовика XV, не оригинальной, но копиями, дорогими, – только размер меньше оригинальных образцов. Сурен снова поймал себя на мысли, что мебель слишком помпезная и вычурная для городской квартиры. Только человек с испорченным вкусом мог купить эти антикварные дрова, впрочем, два года назад он был в восторге от пузатого позолоченного комода, стульев на гнутых ножках и диванов с полосатой обивкой.

На стенах подлинники русских мастеров, есть парочка французских живописцев середины 20-го века, еще пара итальянцев, – картины на библейские темы. Знакомый искусствовед сказал, – это произведения искусства. Сурен удивился: господи, о чем он думает, когда каждая минута на счету, а до тюрьмы – два шага. Сегодня и завтра домработница не придет, – удобной момент, чтобы заковать Сурена в наручники, гэбэшники наверняка знают уклад его жизни, привычки, позвонят: откройте, срочная телеграмма, или из ЖЭКа придут: вы заливаете нижних жильцов.

Зазвонил телефон, Сурен снял трубку.

– Привет, как дела? – это был один из помощников, некий Виктор. – Я с товарной станции звоню. Тут небольшая проблема. Надо бы пошептаться вечером.

– Реши все сам, – ответил Сурен. – Витя, я зашиваюсь, минуты свободной нет.

Он бросил трубку, лег на кровать, заложил ладони за голову. Сурен доверял интуиции, спасавшей от ошибок, от пули, если прислушаться к внутреннему голосу, можно разобрать всего пару слов: опасно, уходи... Может, это вовсе не интуиция, а сам ангел хранитель шепчет в душу слова предостережения. Уходи, – легко сказать.

Он встал, принял душ, растерся полотенцем, взглянул на свое отражение в большом прямоугольном зеркале: он прибавил в весе, но в целом выглядит неплохо, – мускулистый, с широкими плечами и грудью, на правом плече татуировка: череп, якорная цепь под Андреевским флагом. На икроножной мышце след пулевого ранения, на груди и на правом бедре шрамы от осколков мины, – они не портят мужчину. Он надел халат, сел к письменному столу и начал писать, через четверть часа письмо было готово, Сурен сунул листки в конверт, но не приклеил марку и не написал адреса.

Он нашел поясную сумку, положил в нее рубли крупными купюрами, триста долларов двадцатками, кое-какую мелочь и несколько фотографий: мать с отцом на фоне цветущей вишни, брат, рано умерший, вот Лена – женщина, которую он давно любит. И вот он сам в парадной форме капитана морской пехоты стоит на палубе десантного судна. Снимки сделаны еще до ранения...

Он прислушивался к звукам на лестничной клетке. Кабина лифта поднялась на этаж, кто-то покашлял, и снова тишина. В тайнике пистолет и две обоймы, он уже шагнул к шкафу, где был оборудован тайник, но передумал.

* * *

Стемнело, когда Сурен надел короткий плащ на теплой подстежке и вышел на улицу, пасмурное небо обещало скорый дождь или снег, во дворе под фонарем стояла новая машина, раньше она на глаза не попадалась, – зеленые «Жигули» третьей модели, один человек за рулем, кажется, двое сзади. Сурен достал ключи, подошел к своей машине, глянул направо, и стало как-то неуютно, знакомая «Волга» тоже здесь.

Может, поймать такси? Нет, он всегда ездит на машине, зачем менять привычки, гэбэшники заподозрят неладное. Сурен вытащил из бардачка две газеты, свернутые трубочкой, положил на пассажирское сидение, там интересные репортажи о подпольной группе цеховиков, их судили в Москве, ходили слухи, что одному из подозреваемых чекисты пообещали жизнь, – и он сдал старых друзей с потрохами, как пустую посуду, и все подписал. Наивная душа... Жизнь ему не подарят, поставят к той же стенке, у которой расстреляли бывших друзей. Нужно почитать на досуге, об этом процессе шло много разговоров. Сурен завел машину и решил про себя, теперь он это кожей чувствовал – его будут брать сегодня вечером, в крайнем случае, – завтра утром, на рассвете.

Через полчаса он вошел в ресторанный зал, где для него всегда был зарезервирован столик. Плащ он снял, но не сдал в гардероб, перекинул через руку. Официант, не дожидаясь команды, поставил на стол пепельницу, бутылку минеральной воды и открыл бутылку «Аштарак», – Сурен привык начинать вечер с бокала горьковатого вина. Он положил на стол пачку «Мальборо», закурил, в три глотка прикончил бокал вина, налил еще, выпил, и стал ждать, когда на душе станет легче.

За большим столом в центре зала напротив эстрады сидела компания мужчин, – здесь время от времени собирались деловые люди Еревана, чтобы обсудить разные сплетни, поболтать и развлечься, обычно, веселие кончается утром. Во главе стола сидел Тигран, человек лет пятидесяти пяти, одетый в двубортный синий пиджак и белую сорочку, волнистые с проседью волосы зачесаны назад, лицо приятное, он всегда улыбался, обнажая белые зубы.

Тигран показал на свободное кресло по правую руку от него, Сурен поднялся, прошел через зал, поздоровался со знакомыми, сел за стол. На эстраде уже разминались музыканты, приходилось говорить громко, почти кричать, чтобы собеседник услышал. Тигран поманил официанта, но тот понял все без слов, поставил перед Суреном столовый прибор и бокалы, принес початую бутылку «Аштарак».

Сурен придвинул ближе кресло, сказал, что есть важный разговор, не хочется затевать его в зале, можно поговорить в кабинете директора, они встали, нашли служебный выход, прошли по коридору, Тигран постучал в дверь, приоткрыл ее. Сидевший за письменным столом молодой мужчина в накинутах поверх темного костюма белом халате оторвался от бумаг, нахмурился, но увидав Тиграна, расцвел в улыбке, вышел из-за стола и долго тряс руки гостям, приговаривая «такие люди» и «милости просим». Тигран что-то сказал директору, тот сбросил халат и пропал, плотно закрыв дверь.

Тигран сел на его место, Сурен занял стул для посетителей и пересказал свою историю, утаив лишь некоторые несущественные детали. Сказал, что не понимает интереса гэбэшников к его персоне, не может ничего объяснить, потому что сам ничего не знает, последние месяцы прошли гладко, Сурен брался за разные дела, но ничего по-настоящему большого, крупного, не подворачивалось. Он был занят на товарной станции или ездил по небольшим магазинам в окрестностях Еревана, – и все его дела.

Из Москвы пригнали три неучтенных вагона с импортным стиральным порошком, один вагон с растворимым кофе и еще один с текстилем. Надо было разбить товар на мелкие партии, договориться с директорами магазинов и все вывезти. Так и вышло, – товар двинули в разные точки, железнодорожные пути возле склада освободили, пустые вагоны ушли в Москву, словом, Сурен клевал крошки, которые падали с чужих столов, и тем был сыт.

Тигран, услышав про крошки с чужих столов, рассмеялся и сказал, что Сурен вечно прибивается, будто милостыню хочет просить, а у самого столько денег, – хоть заборы ими обклеивай, но, пожалуй, в Ереване и заборов не хватит. Сурен с каждым годом живет все богаче, и сам того не замечает, везунчик, каких поискать, только успевает оттопыривать карманы, а они уже полны, – и все крупные купюры.

– Ладно, не подкалывай, – сказал Сурен.

Сейчас не про деньги разговор, про нечто более важное. Факт, что никого Сурен не трогал, не было никакого насилия, конфликтов, ничего... И вдруг раз, – и спокойную жизнь сложили через коленку, он решил исчезнуть быстро, не предупредив даже своих людей. Главное, не доводить до задержания, позже, если все уляжется, можно будет вернуться, он просит именно Тиграна присмотреть за его бизнесом, потому что знает его много лет и верит, как самому себе. Сурен положил на стол конверт и сказал, что здесь расписано все, что нужно сделать.

– Что ж, бог велел помогать ближнему, – Тигран дважды прочитал текст, задал несколько вопросов и сжег листок в пепельнице. – Не волнуйся, я займусь этим. Поговорю с твоими парнями и все устрою. Не думай о плохом.

Сурен сказал, что его доля – пятнадцать процентов, – теперь это доля Тиграна. Есть кое-что срочное, не сегодня-завтра придут три вагона с телевизорами «Рубин» последней модели с чехословацкими трубками, розничная цена – тысяча рублей. Нужно моментально освободить вагоны, товар отправить на пятый склад, а потом его рассовать по торговым точкам. Тиграну нужно связаться с Виктором, ближайшим помощником Сурена, тот все объяснит. Сурен выложил на стол две тяжелые связки ключей, от складов и частных гаражей, где хранился кое-какой товар. На другой связке ключ от машины, квартиры и второй квартиры, на окраине. Сурен попросил отогнать машину в надежное место, а ключ отдать Виктору.

– Тебе легко уезжать, – вздохнул Тигран. – Ни жены, ни детей...

– Хватило ума их не заводить.

– Да, легко, – повторил Тигран. – Сел в поезд и помахал ручкой. Ладно, если решил, – пусть так и будет. Я все сделаю. Недели через две позвони Тамаре, я у нее бываю по субботам. Я расскажу новости.

Сурен поднялся, пожал руку Тиграну и вышел из кабинета.

* * *

Сурен остался за столом, он придвинул к себе телефонный аппарат, набрал домашний номер Левона Кутояна, одного из своих помощников.

– Есть дело, – сказал Сурен. – Через час подходи к кафе «Ариэль», на угол. Да, да, где молодежь собирается, я там тебя подберу. Захвати рюкзак, купи минеральной воды и чего-нибудь пожевать. Назад вернешься послезавтра. И куртку надень, ночи холодные.

– Хорошо, понял, – Левон не задавал вопросов. – До встречи.

Сурен положил трубку, надел плащ, закрыл дверь в директорский кабинет, вышел на улицу через служебную дверь. Похолодало, поднялся ветер.

Он спустился с крыльца и пропал в темноте, поблуждал по дворам и переулкам, пока не убедился, что за ним никого, вышел на широкую пустую улицу и долго ждал машины, наконец, появилось такси. Сурен пообещал водителю сто рублей, сел впереди и назвал адрес. Ехать было далеко, на окраину. Здесь темнота стала плотной, Сурен сказал водителю, где остановиться, расплатился и вышел, закурил, ожидая, когда уедет машина.

Он прошел два квартала вверх, свернул направо, двинул по узкой тропинке через пустырь, остановился у ворот гаражного кооператива «Севан», здесь светила яркая лампа под железным колпаком. Сурен открыл калитку своим ключом, его бокс третий направо, он зажег верхний свет и некоторое время копался в гараже, затем вывел белую «Ниву», запер бокс, и ворота. Он никуда не торопился, ехал осторожно и слушал радио. Передавали, что сейчас Генеральный секретарь КПСС Михаил Горбачев находится с официальным визитом в США, в ближайшие дни ожидается подписание важных международных документов. Сурен повертел ручку настройки, нашел концерт эстрадной музыки для полуночников.

На углу улицы под мачтой освещения стоял Левон Кутоян, парень лет тридцати, сзади светилась вывеска кафе «Ариэль», гремела музыка. Увидев машину, Левон подхватил рюкзак, положил его на заднее сидение, сам сел рядом с Суреном, проехали километров десять, когда Левон спросил, куда они держат путь.

– Мы направляемся в Грузию, в Батуми, – сказал Сурен. – Но сначала заедем в одно место... Сто километров отсюда. У меня там родственники, хочу повидаться. Мы там долго не задержимся, переночуем, и в дорогу. Ты никому не должен говорить, что здесь у меня родня. Никогда и никому.

– Конечно.

– В Батуми я останусь, а ты поедешь обратно, в бардачке документы на эту тачку. Машина чистая, не в угоне, оставь ее себе. Ты ведь весной собирался жениться, а машины у тебя нет. Ты единственный из моих парней, у кого нет машины, поэтому я тебе и позвонил. Вспомнил, что давно мечтаешь о «Ниве», ну, это мой подарок на свадьбу.

– Спасибо, – в горле запершило, Левон был растроган до слез. – А я копить начал. Но не получается. Мать болеет, нужны лекарства, младшей сестре надо помогать. Я отложил покупку и вдруг вы мне... Господи, даже не верится.

– Один совет на будущее. Ты занялся бизнесом недавно, но из-за этого бизнеса можно огрести много неприятностей. Ты скромный парень, постарайся и дальше, когда заведутся деньги, оставаться в тени. Не ездь на иномарках, не сори деньгами, тогда у тебя будет меньше завистников и врагов.

Сурен замолчал, повертел ручку приемника.

– Сегодня седьмое декабря, – сказал диктор по-армянски. – Сейчас мы предлагаем нашим уважаемым радиослушателям продолжение концерта для полуночников по вашим заявкам.

Темная дорога бежала под колеса, проехали спящий поселок, увидев всего несколько огоньков в окнах, за заборами лаяли собаки, у автобусной остановки светил одинокий фонарь. Они прибыли на место около трех часов ночи, остановились у высокого каменного забора, с другой стороны собака гремела цепью, изредка лаяла, металлическая калитка заперта. Левон выбрался из машины, закурил, дожидаясь, что будет дальше.

Сурен встал на капот машины, подпрыгнул, зацепился руками за забор и перемахнул его. Собака перестала лаять, послышались какие-то неясные звуки, человеческие голоса, калитка распахнулась, Левона пригласили войти, он увидел очертания большого дома из белого камня и старика с длинными седыми волосами, обнимавшего Сурена.

Глава 2

Гостей провели в большую комнату, усадили за стол. Хозяин дома – Артур, родной дядя Сурена, мужчина с темным лицом, длинными волосами и седой бородкой, был похож на античный персонаж. Тетка Ануш выглядела старше мужа, это была худая женщина с грубоватым неподвижным лицом, словно вырезанным из дерева, она была одета так, будто собралась на похороны: темная бумазейная рубаша, серая жакетка с карманами и черная юбка, на голове коричневый платок. Перед Левоном она поставили тарелку с куском курицы и салатом из фасоли, кувшин домашнего вина и стаканы, он не хотел есть, но и отказаться было неудобно. Левон старался не слушать чужой разговор, но ведь он не глухой. Старуха, скорбно поджав губы, за стол не села, встала в дверях, как часовой.

– Ты опять к ней приехал? – спросил старик. – Зачем?

– И к ней, и к вам, – ответил Сурен. – Я уезжаю из Армении, наверное, надолго. Так обстоятельства сложились. Хотел проститься.

Старик нахмурился.

– Уезжаешь из-за...

– От вас у меня нет секретов. Несколько дней за мной ходят по пятам то ли менты, то ли гэбэшники. Меня могут взять... Не сегодня, так завтра. Не хочу сидеть и ждать, когда это случится. Я уезжаю и хотел сказать: спасибо. И простите за все.

Старуха молча заплакала, она вытирала щеки кончиками платка. Левон постарался есть побыстрее, понимая, что он всем мешает, он налил вина из глиняного кувшина, выпил и сказал, что очень устал. Ануш постелила ему в соседней комнате на диване, засыпая, он слышал негромкие голоса, которые удалялись и вскоре совсем пропали.

Сурен провел ночь в небольшой комнате, из мебели здесь был фанерный шкаф, крашеный морилкой, и узкая девичья кровать, единственное окно закрыто глухими ставнями. Еще не рассвело, когда дядя Артур вошел в комнату, зажег верхний свет и занял единственный стул, Сурен проснулся и сел. Старик волновался, голос стал низким, чтобы занять беспокойные руки, он включал и выключал электрический фонарик с длинной ручкой.

– Давно хотел об этом поговорить, но все как-то не получалось, – начал он. – Теперь уж откладывать нет времени. Мой сын умер молодым, сорок только исполнилось. Есть родственники, и ты среди них – самый близкий. Мы с твоим отцом всю жизнь занимались ювелирным делом. Но отца твоего уже нет. А я, когда переехал сюда из Ленинакана, отошел от дел. Так вот, мы, когда твой отец был жив, хотели, чтобы все детям осталось... Но, сам видишь, как вышло. У меня есть деньги и ювелирные изделия. Дорогие, редкие. Кое-что принадлежало твоему отцу, вторая половина – моя. Твой отец хотел, чтобы все хранилось в одном месте. Здесь надежно и безопасно, не то, что в городе.

– Я знаю об этом, – кивнул Сурен.

– Сколько мне осталось? Год, два, пять? Твой отец думал, что проживет до ста лет. А на самом деле... А теперь с тобой эта история. Видишь, как быстро все меняется. Ты хочешь уехать, надолго. Возможно, тебе придется снова скрываться. Жить под новым именем. Это тяжело, это опасно, нужны деньги, много денег. А если найдут, деньги понадобятся, чтобы... Ну, сам знаешь. Я хочу, чтобы ты забрал все. И нам с Ануш будет легче. Я живу с тяжелым сердцем, переживаю... А вдруг что случится. А случиться может все, что угодно. Смотри, какое время настало, а дальше что будет? Все прахом пойдет.

– Я ведь в бегах, может, уже завтра окажусь на нарах. Деньги и ценности разворуют менты и прокуроры. Подумай, о чем ты говоришь...

– Ты умный и ловкий человек, ты все сделаешь правильно, тебя не поймают. А без денег пропадешь. Одевайся, хочу тебе что-то показать.

* * *

Они вышли на двор. Было холодно и темно, только на востоке чуть просветлело. Пошли на дальний конец двора, здесь стояла каменная постройка с плоской крышей, по виду то ли столярная мастерская, то ли летняя кухня. Щелкнул замок, вошли в помещение, заставленное рухлядью, загорелась стосвечовая лампа, занавешенная паутиной. Артур навалился плечом на комод, сдвинул его в сторону, скатал пыльную циновку, под ней крышка люка, два железных кольца и навесной замок. Артур немного повозился, поднял крышку, в нос ударил затхлый запах. Они спустились по лесенке с перилами, старик дернул шнурок, загорелась лампочка.

Здесь тоже было полно хлама, сундук с полуистлевшими журналами и книгами, пара кожаных чемоданов, почти новых. На круглом столике саквояж, с такими когда-то ходили зажиточные доктора или ветеринарные врачи. Старик подошел к торцевой стене напротив лестницы, сдвинул щит из почерневших досок, сдернул кусок брезента, открылась дверца замурованного в стену сейфа метровой высоты, с хромированными ручками и гербом царской России в верхнем углу. Старик поманил Сурена пальцем и прошептал в ухо комбинацию цифр, велел их запомнить и самому открыть сейф. Сурен быстро справился, старик потянул дверцу, посветил фонариком.

– Ну, смотри. На верхней полке – завещание. Уже заверенное. Дом, все постройки, все наше движимое и недвижимое имущество отойдет тебе. Внизу деньги и золото с камушками.

Четверть часа Сурен перебирал содержимое сейфа, потом дверцу закрыли, поднялись наверх, сели на скамейку за домом. Было холодно, но тучи разошлись, небо на глазах стало высоким и светлым.

– Восемь лет назад ты вернулся на родину в Ленинакан из холодного Северодвинска. И объявил, что погостишь дома один день и уедешь надолго, может быть, навсегда. Ты сказал, что теперь у тебя новые документы и новое имя – Сурен Погосян. В какую историю ты влез, когда, зачем... Из тебя было невозможно вытянуть слово. Ты сказал: тебе и отцу лучше об этом не знать. Что сейчас скажешь?

– Повторю, что сказал тогда. О некоторых вещах лучше не знать или забыть их. Иначе всю жизнь будешь бегать от своего прошлого.

– Ты вернулся через два года, но не в Ленинакан. Ты приехал в Ереван, купил кооперативную квартиру и зажил на широкую ногу. У тебя появился свой бизнес, ты его расширял... Стал обеспеченным человеком, со связями. Но продолжал жить под чужим именем, а к нам в Ленинакан приезжал редко, поздним вечером или ночью. Когда гостил, мог по три дня не выходить из дома. Ты боялся, что тебя найдут, что узнают на улице. Но время шло, все стало забываться. Мы привыкли к твоему новому имени – Сурен Погосян. Прошло еще шесть лет. Уже нет твоего отца и матери нет. Ты приезжаешь и говоришь, что снова будешь скрываться. Скажи, ты убил кого-то?

– Нет.

– Ты не хочешь рассказать эту историю? Всю, от начала до конца? Сними камень с души.

– На душе нет камня. Сказано: я не убийца.

Старик покопался в кармане, достал три ключа на стальном кольце и вложил их в ладонь Сурена.

– Пусть они всегда будут с тобой. Найди возможность позвонить мне или Вардану хоть раз в две недели. Если со мной или Ануш что-то случится, – приезжай, если сможешь. Вардан во всем поможет. Если что со мной будет не так, забирай все, что есть в сейфе. Опоздаешь, – без тебя все разворуют. Не допусти этого. Ты еще женишься, еще детей заведешь...

– Хорошо, – кивнул Сурен.

– Теперь скажу важное, послушай. В мае этого года Горбачев принял закон «О кооперации». Это не о кооперативах закон, это значит, – теперь начинается капитализм. А коммунизм, который строили много лет, из-за которого миллионы людей в лагерях сгноили, – нужен, как старые подштанники, протертые на заднице. Всего полгода прошло, а сколько появилось богатых людей... Вот слушай. Скоро тебе не надо будет прятать деньги, и притворяться скромным тружеником. На всю жизнь запомни, – никогда не верь рублю. Эта бумажка всю жизнь людей обманывала, и дальше будет обманывать. Плюнь на этот рубль и забудь. Держи деньги в камнях, в золоте, в долларах. Понял?

Сурен кивнул, он курил и смотрел в небо, будто видел там свою судьбу.

– Ты сегодня к ней пойдешь?

– Да. У меня важный разговор.

– Не ходи, – сказал старик. – Она не твоя женщина. У нее муж. Он узнает, будет нехорошо. Ей хуже будет.

– Муж не дает ей развода. Уже больше года. Он купил в этом городе всех судей. Оптом и в розницу.

– Купил он судей или нет, но сейчас это его женщина. И он ее не отпустит. У тебя еще будет жена. Красивая, молодая... Нельзя воровать любовь. Пусть она не любит его, но он муж.

– Черт... Я говорил с ней вчера по телефону, сказал, что приду. Муж в отъезде, только вечером вернется.

– Не важно, соседи ему расскажут.

– Не могу с ней не увидеться, – сказал Сурен.

* * *

Через час он подошел к забору белого камня, хотел постучать в железную калитку, но она сама открылась. С той стороны ждала женщина лет тридцати в короткой шубке из искусственного меха с широкими рукавами, светлые волосы до плеч, зеленые глаза и яркие губы. Она взяла его за руку и потянула к себе. Калитка захлопнулась, женщина сделала шаг, обхватила руками его шею, прижалась и поцеловала в губы, долго и так сладко, что перехватило дыхание, и голова закружилась.

– Пойдем в дом, – сказала она. – Пожалуйста, пойдем... Все изменилось. Нарек звонил. Он придет раньше, часа через два-три. Скорее, пойдем в дом.

– Я пришел за тобой, – сказал Сурен, чувствуя, что разволновался и от этого волнения, мысли спутались. – Я хочу сказать... У меня неприятности в Ереване. Я должен уехать. Но я не могу уехать без тебя, поэтому собирайся. Сейчас я подгоню машину. Мы сложим вещи и все...

– Я не могу. Нарек догонит нас. Ничего хорошего не получится. Судебное заседание через месяц. Надо дожидаться.

Сурен отступил на шаг, дул холодный ветер, но ему было жарко, горела шея и щеки, он вытащил платок и стер со лба испарину. Он смотрел в сторону, на громадину дома из белого камня, окна темные, с двойными рамами. Он перевел взгляд на Лену, ветер дул ей в лицо, в глазах стояли слезы, на левой скуле расплылся продолговатый синяк. Он взял Лену за руку, приподнял рукав шубы, на запястье темные продолговатые пятна, это отпечатались толстые пальцы мужа. Выше, у локтевого сгиба, синяк, свежий, размером с половину сигаретной пачки.

– Я не оставлю тебя здесь, – сказал Сурен. – Мы и так долго ждали.

– Но я не могу уехать. Мы с Нареком еще раз попробуем все решить по-хорошему. Ну, если не получится... Я надеюсь на лучшее.

– По-хорошему это как? Нарек посадит тебя на цепь как собаку. Ты не выйдешь из этого двора, он не пустит тебя на суд. Я уеду, и никакой защиты ты здесь не найдешь. Останешься один на один со своей бедой. И с этой сволочью.

– Нарек сказал: если ты подумаешь, – только подумаешь, – бежать... Если только эта мысль придет в голову, – я убью твоих родителей. Сначала отца, потом мать, сожгу их дом. А потом дойдет очередь до твоей сестры из Еревана, ей тоже не жить. Не делай глупостей, – так он сказал. Он Богом поклялся.

– Никого он не убьет, он трус, – сказал Сурен.

– Трусы – самые опасные люди. Он убьет, потому что он трус.

– Лена, пожалуйста, Лена, – он искал подходящие слова, но их не было.

Теперь она заплакала.

– Я не могу, – повторила Лена. – Ты же это понимаешь. Нет...

Он стоял, гладил ее ладонью по волосам и не знал, что делать, все слова, которые он знал, самые убедительные, самые правильные, сейчас ничего не стоят, ничего не значат. Может быть, это к лучшему, что Лена не поедет с ним, Сурену нужно время, чтобы выехать из Армении, освоиться на новом месте. Пройдет месяц-другой, он сможет через друзей вытащить ее из этой затхлой дыры, от мужа психопата, сейчас надо успокоиться, набраться терпения.

– Хорошо, потерпи еще немного, – сказал он. – Я вернусь. Через пару недель, через месяц... И заберу тебя навсегда.

– Хорошо, – Лена отступила назад, вытерла глаза платком. – Иди... Я буду ждать.

Он обнял ее и подумал, если сейчас же он не уйдет, то расплчется вместе с ней. Он повернулся, пошел к калитке, бросил взгляд за плечо. Лена стояла, опустив руки, и смотрела ему вслед, он помахал ей ладонью, попробовал улыбнуться. Сурен вышел за ворота, перешел на другую сторону улицы, остановился и закурил, ноги были ватными, сердце билось неровно, а на душе лежал тяжелый камень. Сурен вдруг подумал, что если он сейчас уйдет, – никогда больше не увидит Лены, почему так, что может случиться с ней или с ним, какие обстоятельства помешают будущей встрече, – он не знал, но поверил, – так и будет. Он затаился дымом, пошел дальше и снова остановился, будто споткнулся.

– Сурен...

Он замер, услышав голос Лены, оглянулся, она вышла за калитку и бежала к нему через улицу. Он бросил сигарету и быстро зашагал навстречу.

– Я приду, – сказала Лена, она говорила быстро, захлебываясь словами, будто боялась, что не успеет сказать что-то важное. – Мы уедем... Сегодня же. Но сюда не надо на своей машине. Езжай к тем домам, – она махнула в сторону панельных башен, – жди возле магазина. Я только соберу сумку или чемодан. Дай мне час, за час я все успею.

– Брось ты эти вещи...

– Я же не могу голой уехать. И документы надо найти, – куда я без них. Но я быстро. Все, теперь уходи. Иди скорее. Пока соседи тебя не увидели. Иди же...

Сурен повернулся и, не оглядываясь, пошел дальше.

Глава 3

Сурен подумал, что хорошо бы наскоро помыть машину, после ночной поездки она совсем грязная. Он велел Левону размотать резиновую кишку, пустить воду и поработать тряпкой. Сам сел в доме за столом. Дядя Артур у окна мусолил газету, он дочитал передовицу о поездке Михаила Горбачева в Америку и перешел к колонке «происшествия». Оторвавшись от чтения, вопросительно посмотрел на племянника:

– Ты хотел что-то сказать?

– Она уедет со мной.

Развернутая газета, зашуршав, упала на пол. Левон закашлялся от неожиданности.

– Это как же? Нарек ее муж, законный. Хороший он или плохой, – другой вопрос. Ты опозоришь человека на всю жизнь.

– Если Лена уедет, это будет лучше и для Нарека. Иначе я его убью.

Старик покачал головой и поднял газету.

– А если он тебя убьет? Ты об этом не думал? Он ведь не последний человек у нас в городе, у него связи. Он может устроить много неприятностей. Тогда у нас никого не останется. Наш сын умер молодым. И что же? Ни сына, ни племянника?

– Дядя, не думай об этом, – процедил сквозь зубы Сурен. – Я люблю Лену.

– Решай сам, ты взрослый. Но я свое слово сказал: напрасно ты берешь с собой эту женщину. Она красивая. Но она чужая жена. Ну, наверное, ты хорошо подумал. Скоро вы уезжаете?

Сурен посмотрел на часы.

– Прямо сейчас, – соврал он, в запасе оставалось еще минут двадцать, но было невыносимо сидеть вот так напротив дяди, что-то объяснять и оправдываться. – Пора.

Сурен поднялся, пожал сухую и горячую руку дяди. Тетка слышала разговор мужчин из другой комнаты, и теперь она снова встала у двери, как часовой, вытерла слезы углом платка. Сурен обнял тетку, вышел из комнаты, спустился с крыльца, сказал Левону, еще возившемуся у машины, что они немедленно уезжают. Тот, пока старик открывал ярко железные ворота, успел выключить воду и смотать шланг. Левон попрощался с хозяевами, сел на переднее пассажирское сидение, Сурен тронул машину.

* * *

Сурен выехал на площадь, остановился напротив магазина, стоявшего между двух панельных башен.

– Мы подождем одну женщину, ее зовут Елена, – сказал Сурен. – Она поедет с нами до Батуми.

Левон молча кивнул и ни о чем не спросил. Сурен вытащил бумажник, отсчитал деньги, сказал, что в багажнике рюкзак и сумка, надо сходить в магазин, взять побольше минеральной воды и чего-нибудь пожевать. Левон ушел, Сурен поглядел на часы, перевел взгляд на ближайшую башню, женщина на третьем этаже раздвинула занавески и приоткрыла окно. Площадь была почти пуста, только у магазина какие-то стояли женщины и возле подъезда на скамейке разговаривали два старика, третий старик в длинном пальто с барашковым воротником топтался рядом и, задрав голову, глядел куда-то в небо.

Лена придет сюда по ближней улице, через четверть часа появится из-за поворота, – и уже не уйдет из его жизни никогда. Сурен перевел взгляд на стариков, машинально отметил, что рядом с домом остановились синие «Жигули», из которых никто не вылез, на заднем сиде-

нии двое мужчин. Через минуту подъехала черная «Волга» встала за первой машиной, стекла затемненные, пассажиров и водителя не разглядеть, номер государственный, ереванский.

Сурен почувствовал, как стало жарко, так жарко, что вспотел лоб, а воротник рубашки сдавил шею как удавка, – синие «Жигули» он видел в Ереване, они ехали за ним почти через полгорода, до самого рынка, у Сурена профессиональная память, номер этой машины совпадает с номером той, ереванской. Он глубоко вздохнул и задержал дыхание.

Обе машины не глушили моторы, готовые перекрыть дорогу, если Сурен тронет с места. Он увидел, что пассажиры «Жигулей» уже стояли на тротуаре, один мужчина, в синей болоньевой куртке, молодой, вертел головой, озираясь по сторонам, что-то говорил. Другой, дядька лет сорока, в черном плаще и кепке, пригнул голову, засунул руки в карманы, он кивал головой, делая вид, будто увлечен рассказом молодого человека. Из «Волги» вылезли трое, отошли в сторонку, встали кружком. Сурен подумал, что оперативники ждут команды начать задержание, возможно, эту команду они уже получили, выходит, это его последние минуты на свободе.

Можно попытаться уйти на четырех колесах, но куда уйти – в этом городе все на виду, это не Ереван, – и негде спрятаться. Можно прорваться по единственной дороге в сторону Грузии, – но и там шансов почти никаких. Сурен видел, как из магазина вышел Левон, он повесил рюкзак на одно плечо, пересек площадь, Левон открыл заднюю дверцу, положил рюкзак и сумку, сел рядом на пассажирское место, о чем-то спросил, но Сурен не услышал вопроса.

Оперативники переглянулись, и одновременно двумя группами стали переходить площадь. На часах одиннадцать сорок утра, Лена может появиться совсем скоро, с минуты на минуту, но его здесь уже не будет. Сурен смотрел на оперов, идущих к его машине, он испытал приступ тошноты и тоски, смертной тоски, схватившей душу, он знал, чем все кончится: сейчас его выволокут из машины, заломят руки, щелкнут стальные браслеты наручников. Он на секунду закрыл глаза, готовый застонать, как стонут от нестерпимой физической боли. Послышался странный гул, будто выключенный двигатель заработал на высоких оборотах, звук оборвался, машина качнулась, как лодка на волнах.

В следующую секунду Сурен вместе с «Нивой» взлетел над землей, и, показалось, повис в воздухе. Выпустил руль, ударился макушкой, а потом затылком о потолок, – аж в глазах потемнело. Через мгновение машина упала на землю, но не в том месте, откуда взлетела, не на дорогу, а на газон. Лопнуло заднее стекло, мелкой крошкой рассыпалось по салону. Левон схватился ладонями за лицо и закричал. Сурен видел, как качнулись башни на другой стороне площади, тяжелые стеновые панели легко, будто игральные карты, оторвались от домов и полетели далеко в стороны. Он услышал истошные крики, но не понял, кто кричал, потому что в следующую секунду вскрикнул сам, снова взлетев вверх и ударившись головой.

Двое оперативников, которые не дошли до его машины десяти метров, теперь ничком лежали на дороге. Трое других поднялись в воздух, отлетели в сторону, к домам, словно тряпичные куклы. Что-то посыпалось, повалилось сверху, загрохотало, непонятно откуда вырвались струи тяжелого серого тумана, они поднимались высоко вверх, к небу, расползались по дороге. Словно отброшенные взрывной волной, летели какие-то предметы, силикатные блоки, куски пенобетона и деревянные балки. Сурен видел, как стеновая панель, накрыла трех оперативников, почему-то оказавшихся уже не посередине площади, где стояли несколько секунд назад, а на дальней обочине.

В густом сером тумане исчезли старики. Левона не оказалось рядом, он куда-то пропал из закрытой машины. Сурен вцепился двумя руками в руль, стараясь удержаться на сидении, но руль выскользнул, будто намыленный, Сурен опять ударился затылком так, что свет в глазах померк, – надо было пристегнуться ремнем. Не додумав эту мысль, он почувствовал, как неведомая сила подняла его вверх, выбросила из машины через распахнувшуюся дверцу. Он упал ничком на дорогу, хотел встать, но не смог, земля перестала раскачиваться и подниматься

вверх, словно волны, теперь она перемещалась слева направо, будто он лежал не на асфальте, а на ковровой дорожке, которую дергали в разные стороны.

Что-то гроыхало, падало, летело, – от этого грохота заложило уши. Совсем близко закричала женщина, но крик был слабым, будто ей горло сдавили, – и оборвался. Грохот еще продолжался, когда земля замерла, перестала двигаться, и застонала, словно живая. Что-то ударило Сурена по спине, он распластался на земле, голова закружилась. Он вынырнул из забвения, лежал и думал, сколько времени прошло: час, другой или несколько минут... Он согнул руку и поднес часы к глазам. Циферблат разбит, стрелки остановились.

* * *

Сурен встал на карачки, медленно, покачиваясь, поднялся на ноги. Провел ладонью по шее, есть рассечение, но не очень глубокое. Еще одно на затылке, кровь стекала за воротник рубашки, голова кружилась, туман сделался таким густым, что в поле зрения оставались только крупные объекты, темные контуры на сером фоне. Он видел, что людей поблизости нет, что первая башня наклонилась в сторону, вылетевшие стеновые панели, окрыли взгляду квартиры с разноцветными обоями, мебелью, разбитой в щепки, предметами интерьера.

Вторая башня рассыпалась почти до основания, вместо нее высокая груда блоков, бетонной крошки, какого-то мусора. Шестиэтажный дом, стоявший за башнями, тоже не устоял, вместо него остался бетонный завал, прикрытый сверху двускатной железной крышей. Разглядеть детали трудно, глаза слезились. В том месте, где стояла «Нива», асфальт съехал с дороги, и лежал какими-то бесформенными лепешками, один кусок на другом. Неведомая сила сдвинула машину метров на десять, слева кузов помят, будто по нему били кувалдой, двух боковых стекол нет, лобовое стекло покрыто сетью трещин. Сурен несколько раз крикнул: Левон. Звук выходил тихим, как шепот, ответа не было.

* * *

Туман все густел, закрывая собой разрушенные дома, небо и солнце. Стало трудно дышать, Сурен сплюнул, слюна была густой, будто он плевался масляной краской. Только сейчас он сообразил, что туман, – это пыль, поднятая развалившимися домами. Он достал сумку, из которой лилась вода. Почти все бутылки разбились, а те, что в рюкзаке, почему-то уцелели. Сурен сделал пару жадных глотков из горлышка и пошел к тому месту, где последний раз видел оперативников в штатском.

Площадь была завалена битыми панелями, блоками пенобетона и кирпичом. Людей поблизости не видно, наступила тишина, иногда вдалеке что-то шуршало, потрескивало. Сурен взобрался на самый высокий отвал и огляделся, но из-за пыли почти ничего не увидел. Он спустился вниз с другой стороны, споткнулся, и тут заметил человека, лежавшего на спине. Он был густо присыпан пылью, трудно понять, какого цвета одежда, куртка и рубаха лопнули на груди. Лицо серое, мертвое. На этом сером лице – красная полоса вместо рта. Видимо, беднягу ударило арматурным прутком точно под нос, выбило передние зубы, теперь рот казался длинным, почти до ушей, ярко красным. И еще глаза... Глаза живого человека.

Сурен присел на корточки. Чуть ниже пояса человек завален бетонными блоками, из которых вылезла арматура. Сурен стряхнул с груди грязь и мелкие камушки, смочил платок минеральной водой, постарался стереть пыль с лица, не задевая изуродованного рта, но только размазал грязь. Теперь он узнал молодого человека, сидевшего в «жигулях», этот парень вышел из машины, двинул к Сурену, когда начался этот ужас.

Пришла мысль, что его еще можно спасти, если принести домкрат... Но в «ниве» не было домкрата, его взял на время сосед по гаражу и не вернул. Сурен подумал, что домкратом

плиты не приподнять, – только тронь, они раскрошатся, полезет арматура, проткнет человека, как кусок масла, – только хуже сделаешь.

– Ты слышишь меня?

– Слышу, – человек шепелявил, летели мелкие брызги крови, но слова можно было понять. – Я не хочу подыхать тут...

– О чем ты говоришь? Ты в порядке. Ты будешь жить...

– Не хочу подыхать тут...

– Чудак, у тебя обычная травма, – это я тебе говорю. Угрозы жизни нет.

– Что это было? – человек смотрел на Сурена вылезшими из орбит глазами. – Что случилось, это война? Война началась? Скажи правду...

Сурен испытывал головокружение и слабость, голова работала плохо:

– Ну почему сразу война? – сказал он. – Может быть, это только учения...

– Вытащи меня. Сделай что-нибудь.

– Я должен за помощью сходить, – сказал Сурен. – Придут люди, вытащим. Потерпи немного. Просто лежи – и все.

Человек поводил глазами по сторонам, открыл длинный беззубый рот, Сурен плеснул в рот минеральной воды, она вспенилась, человек не смог проглотить и выплюнул. Сурен запустил руку за пазуху, вытащил удостоверение лейтенанта КГБ Павла Артюхова, в подплечной кобуре пистолет Макарова со снаряженной обоймой и тут же запасная снаряженная обойма. Он сунул удостоверение обратно в карман Артюхова, осмотрел пистолет, взвел курок, включил предохранитель, опустил ПМ в карман плаща. Оперативник стал быстро и глубоко дышать, застонал и закрыл глаза, одно веко стало дергаться, потом замерло, рот остался приоткрытым, из него пошла кровь, Артюхов закашлялся, он кашлял минуту, потом затих.

Глава 4

Сурен поднялся, пошел к машине, в серой мгле появился абрис человека. Сурен остановился и спросил:

– Эй, кто тут?

– Я это...

Левон был похож на гипсовую статую, серое лицо, серые волосы, вставшие дыбом, серая одежда. Одна рука была согнута в локте и держалась на двух веревках, перекинутых через шею. Голос дрожал от страха или напряжения, кажется, парень готов был заплакать, но не заплакал, а дважды чихнул. Сурен шагнул вперед, хотел обнять Левона, но тот отступил:

– Осторожно, у меня левая плечевая кость сломана. Крови нет. Но больно, когда двигаюсь.

– Только рука, дружище?

– Только рука, будь она неладна.

– Главное – голова на месте. Мы починим твою руку.

– Конечно, – Левон чихнул. – Черт, это у меня аллергия на пыль. Там человек лежит. Его столбом задавило.

– Он жив? – спросил Сурен.

– Он не дышит. Что это было? Это война?

– Меня об этом только что спрашивали, – усмехнулся Сурен. – Нет, дружище. Я был на войне. Там все по-другому. Это землетрясение.

Сурен объяснил, что нужно сделать. Елена должна была прийти на площадь, но тут началась эта чертовня. Наверняка Лена выбрала ближнюю дорогу, пошла по вот этой улице, название вылетело из головы, улица близко, до нее всего двадцать метров, но сейчас поворот не виден из-за пыли. Нужно найти Лену она где-то рядом, где-то там, на дороге. Эта задача еще проще, чем кажется на первый взгляд, улица прямая, не заблудишься, на машине нельзя, асфальта нет, но машина и не нужна, из нее ничего не увидишь, тут надо медленно, на своих двоих. Они будут держаться рядом, оставаясь в зоне прямой видимости. Сурен пошел вперед, он двигался медленно, чтобы не упасть, увидел поворот и свернул на ту самую улицу, название которой забыл.

Он шел по обочине, Левон немного отстал, иногда он чихал и вытирал нос куском газеты. Видимость плохая, а пыли столько, что дышать тяжело, но здесь чувствовался слабый ветерок. С начала до конца улица была застроена частными домами, перед ними кирпичные или каменные заборы, но теперь на их месте одни развалины. Впереди горел огонь, стоял ровный столб оранжевого пламени, это газовая труба, покореженная ударом, задралась высоко вверх, а газ загорелся. Слева вдалеке тоже занимался пожар, – на соседней улице полыхал двухэтажный дом, чудом уцелевший, справа кирпичная стена забора, стоявшая наклонно, вдруг рассыпалась, словно от дуновения ветра, Левон вздрогнул и чихнул.

Первым живым человеком, которого они встретили, оказалась женщина, закутанная в платок, она остановилась, увидев двух незнакомцев, это была старуха с темным морщинистым лицом и скорбно сжатыми губами. Она спряталась в платок, когда Левон хотел заговорить, пошла дальше, но оступилась, упала, Левон наклонился, подал руку, старуха пронзительно закричала.

– Оставь ее, – сказал Сурен. – Пошли.

Старуха продолжала кричать, когда они отошли уже далеко, наконец, крик пропал. Пробежала собака, она двигалась как-то странно, боком, поджимая заднюю лапу, собака зарычала, оскалила клыки и шмыгнула в серую мглу. Навстречу шел мужчина в пальто с поднятым ворот-

ником, он шагал нетвердой походкой, раскачиваясь, как пьяный, лицо было залито кровью, волосы спутались, он мельком взглянул на Сурена и отвел взгляд, будто испугался.

Сурен встал на его пути.

– Послушай, ты не видел тут женщину? – он хотел уточнить свой вопрос, но не знал, что еще добавить, как описать Лену. – Ну, молодую такую женщину?

Мужчина смотрел на него слезящимися глазами, стараясь понять, чего от него хотят. Он молча толкнул Сурена в грудь и поковылял дальше. Прошли вперед еще метров триста, не встретив никого, из серой мглы иногда доносились звуки, один раз они слышали мужские голоса, другой раз – женский плач, но непонятно было, кто плакал и где. Больше людей на дороге не попалось.

* * *

Они добрались до места, где еще сегодня жила Лена. Кирпичный забор завалился в сторону улицы, дом был разрушен. Сурен почувствовал, что слезы подступили совсем близко, если он произнесет вслух хоть одно слово, то расплачется. Он остановился, выкурил сигарету, – стало немного легче, позвал Левона и сказал, чтобы тот быстро двигал по тому адресу, где они ночевали, и выяснил, живы ли дядя и тетя Ануш. Сурен рассказал, как легче найти дом или то, что от него осталось, главная примета – желтые ворота на железных столбах, – они не должны упасть. Пусть не спешит, чтобы не оступиться и не повредить сломанную кость, они встретятся на площади, возле машины.

Сурен достал пистолет, вложил его в руку Левона и сказал:

– Возьми, мало ли что... Вдруг пригодится.

Левон чихнул, вытер нос газетой и пропал, наступила тишина, только вдалеке лаяла собака и плакала женщина. Сурен некоторое время бродил по развалинам дома, делал шаг, останавливался и вслушивался в звуки, может, в те трагические минуты Лена спустилась в подвал, чтобы что-то захватить с собой в дорогу, – и чудом спаслась. Дом рассыпался, а подвал уцелел, и она теперь там, внизу, – ждет спасения. Сурен вздохнул и сказал себе, что сказки лучше оставить детям, подвалы превратились в могилы для тех, кто там оказался. Он ползал по развалинам гаражей, но все попусту.

Не зная, куда идти дальше, присел на бетонный столбик, вытащил из внутреннего кармана и открыл бутылку минералки, сделал глоток, скрутил из куска газеты затычку, опустил бутылку во внутренний карман плаща, прикурил и наблюдал, как из мглы соткались две человеческие фигуры. Мужчины двигались в его направлении, переговариваясь на ходу, вот они перелезли руины забора, остановились посередине двора. Тот, что выше ростом, сказал:

– Блин, я прямо вот тут стоял, когда это началось. Стена блин, рухнула... Чуть не на меня. Назад отскочил, и, блин, забор, падла, повалился на хрен. И машины в гараже стояли. Ах, мать твою туда-сюда, жизнь с чистого листа придется начать. Господи, вот он ужас-то.

– А она-то где была? – спросил другой, у него был глуховатый голос.

– Кто? А, эта блядь... Хрен разберет. Я ж не больше твоего знаю.

– Может, она жива?

– Я за час до этого в город вернулся. И сразу в горсовет, не заходя домой. Сидел в кабинете Бабаяна. Он обещал из городского фонда кое-что мне подкинуть. Ну, сидим, разговариваем. Я его приглашаю в ресторан, перекусить. Я звоню, чтобы там, в ресторане, все приготовили, что мы придем. Только трубку положил, и тут звонят. Я сначала голос не узнал... Говорят, блин, твоя Лена совсем, сука, стыд потеряла. Посередине улицы лижется с каким-то кобелем. С Суреном этим...

– Бля, до чего дошло, – сказал второй мужчина. – Вот же баба, – на людей ноль внимания. Уже совсем на мужа забила... Ну, и ты чего?

– Беру у Бабаяна машину с персональным водителем, – и сюда. Машина уехала, захожу на двор. И тут какой-то гул, мать его, из-под земли идет. Я оглянулся, мать твою за ляжку... Короче, ты сам видишь. Так вот, блин. Вот так... И луку мешок.

– Так не понял, ты ее видел или нет?

– Наверняка в доме ее засыпало. Сто процентов. Есть на свете Бог, есть. Поделом суке... Жаль, я их вместе не застал, поубил бы... Опять этот Сурен появился, что б ему... Мать его...

– Не переживай, ну, что ты. Себя пожалей. Здоровье дороже.

– Ладно... Значит, ты разрушения видел своими глазами. Понимаю, сейчас тебе не до этого. Но через неделю надо оформить страховку, ну, задним числом, – какие я убытки понес. Дом, гараж, две машины... Надворные постройки. Плюс движимое имущество. Опись имущества я составляю. И на нее, на суку эту, тоже надо сделать страховой полис. Ну, на жизнь и здоровье. Что, мол, я ее застраховал. И теперь, значит, как вдовец, потерявший супругу во время стихийного бедствия... Во время землетрясения... И все такое прочее. Короче, могу за лярву гробовые деньги получить.

– Сделаем. Мы друзья, все сделаем.

Сурену еще можно было остаться на месте и, может быть, уйти незамеченным. Но в голове что-то щелкнуло, а перед глазами поплыло розовое марево, похожее на малиновый кисель. Сурен почувствовал, что не может дальше это слушать, не может больше сидеть и не двигаться, ярость рвется из груди, душит, тисками сжимает горло. И нет сил, чтобы справиться с самим собой. Он поднял кирпич, облепленный цементным раствором, встал на ноги.

Только тут его заметили. Он сделал несколько шагов вперед, пряча кирпич за спиной. Теперь с мужем Лены его разделяло метров семь или того меньше. Спутником Нарека оказался широкоплечий мужчиной с бритой головой и пышными черными с проседью усами. Он был в плаще и резиновых сапогах. Наргиз, вытаращив глаза, смотрел на Сурена, второй мужчина тоже замер от неожиданности, серое лицо будто окаменело.

Нарек первым пришел в себя и заорал, обращаясь неизвестно к кому:

– Люди, смотрите... Люди, он посмел прийти ко мне... Он забрал мою жену и посмел прийти снова. Когда дом разрушен, когда беда такая... Чего ты хочешь? Забрать последнее? Денег хочешь?

Усатый сунул руку под плащ, вытащив нож с костяной ручкой и широким клинком:

– Вот чего он хочет. Блин, виновник торжества. Сейчас мы тебя, дорогой товарищ, немного резать будем. Немного больно будет, да.

Усатый шагнул вперед, он держал нож внизу, прямым хватом, видимо, хотел вспороть живот от лобка до ребер. Сурен оставался на месте, только выставил левое плечо вперед. Усатый сделал два-три шага, Сурен развернулся и бросил в него кирпич. Уже нельзя было увернуться, – кирпич летел в грудь, но, повинуюсь инстинкту, человек опустил голову, вжал ее в плечи и приподнял руки. Кирпич ударил выше темени, отлетел в сторону, усатый оказался на коленях, опустил на четвереньки. Нож упал на камни, отскочил и где-то пропал. Сурен шагнул вперед и нанес удар ногой, снизу вверх, в эту круглую голову, похожую на окровавленный мяч.

Нарек не испугался, он кинулся вперед, но нерасчетливо, – налетел на кулак Сурена, получил пару встречных по голове, отступил. Сурен шагнул вперед и срубил его ударом в подбородок. Нарек упал неудачно, спиной, головой на камни. Раздвинув ноги, Сурен сел сверху, он даже не смотрел, куда бьет. Сказал себе, что надо остановиться, но не смог, перед глазами плыло и плыло розовое марево, в малинном киселе тонул весь мир, ярость сжимала горло. Он остановился и перевел дух, закрыл глаза, а когда открыл, увидел нож.

Нарек уже не сопротивлялся, все было кончено, – и можно уходить. Но Сурен все-таки дотянулся до ножа. Потом, через минуту, он поднялся на ноги, закинул нож подальше, выудил

из внутреннего кармана бутылку с водой, зубами вытащил бумажную затычку и смыл с рук кровь.

* * *

Он снова перелез кирпичные отвалы, выбрался на улицу, повернул в переулок, а потом на другую улицу, параллельную первой, – Лена могла выбрать другую дорогу, ведь к площади ведет несколько путей. Здесь та же картина запустения, горы камня, битого кирпича, парочка раскуроченных машин. Встретилась женщина, она вела куда-то старика в пальто, его голова была обвязана тряпками, женщина в испуге шарахнулась в сторону, увлекая за собой спутника, и пропала из вида.

Он прошел улицу обратно, до площади, нашел машину, взял бутылку воды и стал неторопливо пить. Он стянул с правой руки золотой перстень с ониксом, с левой руки другой перстень с крупным алмазом, под перстни попала пыль или песок, кожа натерта чуть не до крови. Он опустил перстни в карман джинсов. Подошел худой невысокий мужчина, он был одет в женскую шубку из искусственного каракуля, человек попросил воды, и Сурен отдал ему початую бутылку.

– Дом у меня развалился, – сказал мужчина и стер с век слезы. – Вообще-то дом старый, так себе... И мышей много было. Собирался новый дом строить. А этот... А, черт с ним. Мыши там все испортили.

– А родные целы?

– Целы, наверное, – кивнул мужчина. – Только не знаю, где они. В доме были. Там вместе с мышами и остались. Наверное, они там все вместе. Но точно не знаю...

Мужчина ушел, Сурен покинул площадь, побрел по другой улице, навстречу шли несколько человек. Он спрашивал всех, не попадалась ли женщина, среднего роста, с волосами до плеч, но никто такую женщину не видел. В сторону площади едва полз армейский «Урал», борт кузова под брезентовым тентом был открыт, в его темноте что-то шевелилось. За грузовиком шли два военных в зимних шапках со звездочками и запыленных бушлатах без погон, один спросил у Сурена, не видел ли тот раненых, покалеченных.

– Не видел, – ответил Сурен. – Трупы видел.

– Сейчас не до трупов, – сказал военный. – Мы увечных собираем.

– И много собрали? – заволновался Сурен. – Там, у вас в кузове, женщина есть, молодая?

– Бабка старая есть. Если еще не умерла. И два мужика.

Откуда-то появилась женщина с растрепанными волосами, она тянула военного за рукав бушлата, говорила, что какие-то люди забрались в ее дом, половина дома уцелела, там все ее имущество, но теперь его разворовывают и куда-то увозят на тачке.

– Пойдемте, – бормотала женщина. – Меня же грабят. Меня защитить некому.

– Отстань ты со своим барахлом, – военный вырвался и зашагал дальше.

Сурен прошел улицу почти до конца, здесь, перед развалинами какого-то длинного жилого дома, из земли торчала водопроводная труба, лился ручеек чистой воды. Поодаль четверо мужчин разожгли костерок и, сидя на корточках, грелись у огня. Сурен скинул плащ, стянул свитер и рубашку, он вымылся до пояса, сполоснул волосы. Слабая надежда еще оставалась, Лена могла зайти к своей единственной подруге Тамаре, что-то оставить или забрать, сказать на прощание несколько слов, Сурен знал, где живет эта женщина, но сейчас было трудно определить, где какая улица.

Незаметно начало вечереть, теперь был слышен гул, доносившейся с неба, это над руинами города и облаком пыли, кружил военный вертолет. Вокруг стали появляться люди, они выплывали из серой тьмы и в ней исчезали. На полотнище брезента четверо мужчин пронесли пятого, он был весь в крови, куда его несли и зачем, – ведь ни помощи, ни лекарств нигде нет, –

непонятно. Сурен шел вдоль улицы, но не мог понять, это та самая улица, где жила Тамара, или другая. Справа ряд гаражей, обшитых листовым железом, они совсем не пострадали, кажется, эти гаражи он видел, он их узнал, значит, идет правильно.

Глава 5

Сурен увидел Лену, когда прошел улицу почти до конца и хотел повернуть налево, поискать там, а затем сделать еще один круг. Лена сидела возле развалившегося забора на деревянной скамейке, врытой в землю, рядом валялся раскрытый чемодан. Сурен, еще не поверив глазам, подбежал, сел рядом, обнял за плечи и поцеловал, ее губы в пыльном налете были сухими и горячими.

– Господи, я тебя нашел, – говорил Сурен. – Все-таки я тебя нашел...

– Суренчик, Суренчик, – повторяла она, будто других слов не знала, гладила его по волосам. Слезы текли по щекам, по пыльной коже, оставляя темные полосы. – Я знала, что ты придешь. Я ждала тебя.

– Ты цела?

– Ну, не совсем, почти цела, – она продолжала плакать. – Что со мной сделается? Главное, что ты жив. Господи...

– Где болит?

Она положила ладонь справа чуть выше живота. Он расстегнул пальто, потрогал, – пятое, шестое и седьмое ребро свободно двигались, когда он нажал пальцами.

– И еще нога, – сказала Лена. – Тоже правая. Мне идти трудно. Наверное, я ее растянула.

Он ощупал ногу выше колена, опухшую и твердую, налившуюся синевой. Видимо, перелом бедренной кости над правым коленом, уже образовался большой отек. Перелом трубчатых костей – это уже серьезно, тут нужен врач.

– Посиди здесь, – сказал Сурен. – Я скоро.

Лена схватила его за рукав, не давая идти, заставила сесть рядом. Она сказала, что купила Сурену перстень, серебряный, но очень красивый, забыла отдать, когда виделись в первый раз, – это так, на память, чтобы он помнил о ней каждый день. Она достала перстень, попыталось надеть его на правый безымянный палец Сурена, – туговато. Тогда она взяла его левую руку, теперь – прекрасно, не жмет, и не слетит. Правда, рядом с другим перстнем, со среднего пальца, золотым, с крупным алмазом, ее колечко смотрелось бледно, дешево, – ну и ладно. Сурен поцеловал Лену в губы, поднялся.

– Не расставайся с моим колечком, – сказала Лена. – Никогда. Пусть всегда с тобой будет. Обещаешь? Никому не отдавай.

– Никому не отдам. Обещаю. А теперь я уйду. Будь здесь.

– Господи, я не уйду... Куда я теперь...

– Потерпи еще немного.

Сурен быстро, как только мог, пошел в сторону площади. Он увидел армейский «Урал» издалека, водитель догадался включить фары, машина двигалась по параллельной улице в его сторону. Сурен взял напрямик через развалины, выбрался на дорогу, перевел дух и побежал вперед. Те же два военных шагали за грузовиком, теперь, когда стало темнеть, они включили фонарики, светили на обочины дороги, высматривая людей. Сурен подошел к тому дядьке, с кем говорил прошлый раз, сказал, что нашел жену, вон там, – он показал рукой, – на соседней улице, у нее тяжелые травмы, кажется, ребра сломаны и бедро, надо скорей в больницу. Военный постучал кулаком по борту, грузовик остановился, военный подошел к водителю, сказал что-то, позвал Сурена.

– Иди впереди машины, показывай дорогу, – военный снял шапку и вытер ладонью мокрый лоб. – Только не заблудись.

Сурен шел быстро и уверенно, они миновали два квартала, свернули налево, и оказались на том месте, где сидела Лена. Машина встала, военный спросил про носилки, полез в кузов, но носилок почему-то там не оказалось. Сурен подошел к Лене, сел рядом на скамейку, обнял,

поцеловал в губы и сказал, что надо ехать, – с такими травмами оставаться здесь на ночь нельзя. Лена обняла его, руки ее были такими слабыми, что у Сурена сжалось сердце.

Военный крикнул, – времени нет. Сурен поднял Лену на руки, донес до машины, из кузова высунулся другой военный с фонариком в руке и какой-то человек в длинном зеленом халате, заляпанном кровью. Они подхватили Лену, перенесли куда-то в темный угол. Сурен увидел, что в кузове уже порядочно людей, человек пять. Машина тронулась.

– Может, разрешишь мне с ней? – спросил он военного.

– С ума сошел. Для пострадавших мест не осталось.

– Где теперь ее искать? В какой больнице?

– Не в больнице, в военном госпитале. Не знаю, в каком. Обещали, что по радио объявят телефоны. Ну, для справок. Запиши и будешь звонить. По фамилии ее найдут. У нее документы с собой?

– Может быть, я не знаю.

* * *

Грузовик скрылся в сумерках, Сурен снова оказался на площади у машины. На капоте, поставив ноги на бампер, сидел Левон. Он где-то умылся, лицо чистое. Сурен коротко рассказал, что нашел Лену и отправил на грузовике в военный госпиталь.

– А у тебя что?

– Там только руины, – сказал Левон. – Ничего не осталось. Почти вся улица – одни развалены. Ну, может, пара домов устояла. Я на участок зашел, там, в глубине, за домом, копаются какие-то люди. У них лопаты и лом. Я спросил, кто они. Ответили, чтобы я шел по адресу. И весь разговор.

– Сколько их?

– Двоих видел.

Сурен открыл багажник, вытащил саперную лопатку в брезентовом чехле. Он поднял с земли кусок гранита, сел на капот машины рядом с Левоном и стал точить лопатку о камень. Закончив, спрыгнул на землю и приладил чехол к ремню джинсов, застегнул два клапана. Теперь, чтобы лопатка оказалась в руке, надо просто дернуть древко вниз, клапаны расстегнутся. Он сел за руль, Левон занял пассажирское сидение и вздохнул.

– Не переживай, – сказал Сурен. – Я денег тебе с собой дам, позвоню одному человеку в Ереван. Он пригонит новую «Ниву».

Сурен ехал тихо, свет фар выхватывал из темноты фигуры людей, которых с приближением ночи стало заметно больше, видно, многие прятались на открытых местах, опасались новых толчков, но теперь напряжение и страх отпустили, – и люди вернулись. Женщина вела в сторону площади подростка с перевязанной головой и тащила какие-то сумки. Следом шли двое мужчин, оба волокли на плечах здоровые узлы с тряпьем, другой мужчина вез в тачке худого старика, который, похоже, уже не дышал. Навстречу шагал долговязый подросток, закутанный в шерстяной ворсистый платок, за ним несколько мужчин, худых и длинных, похожих на человеческие тени. Еще попался «Уазик» защитного цвета, видно, приехал кто-то из военных чинов.

* * *

Место, где еще утром стоял дом, нашли не сразу, один раз остановились не там, второй раз проехали мимо, очутились на голом пустыре, посреди пустыря горел костер, но людей не видно, спросить не у кого, пришлось возвращаться. Наконец увидели ворота, выкрашенные в ярко желтый цвет, створки висели на покосившихся железных столбах. Вышли из машины,

осмотрелись, – ветер немного разогнал пыль, впереди на обочине «Жигули» неопределенного цвета, в салоне, кажется, никого. От дома остался каменный холм, покрытый листами кровельного железа, сараев и надворных построек нет, будто и не было. С другой стороны, с параллельной улицы, кто-то подошел «Уазик», включил фары.

Видна человеческая фигура, ковыряющая лопатой землю, в нескольких шагах горел костерок, у огня на корточках сидел другой человек, одетый в красную фуфайку, на плечи накинута телогрейка. Сурен отметил про себя, что копают в том месте, где стоял сарай, где в подполе тайник, завалы на этом месте почти разобрали, еще немного осталось, снимут слой, доберутся до сейфа, выворотят его из стены и унесут, чтобы вскрыть в спокойной обстановке. Сурен перебрался через развалины забора, жестами показал Левону, чтобы оставался сзади и держал наготове ствол, но Левон и так все понял, здоровой рукой достал пистолет, выключил предохранитель и пропал из вида.

* * *

Сейчас, с наступлением темноты, стал чувствоваться холод, какой-то жуткий, сразу пробиравший до костей, Сурен подумал: если кто живой остался под завалами, – вряд ли дотянет до утра. Он обогнул развалины дома справа, оставаясь вне поля зрения, фары «Уазика» были направлены в другую сторону, а костерок давал слабый свет. Сурен крался вперед, надеясь сократить дистанцию, оставаясь незамеченным, а затем броситься вперед и решить все парой хороших ударов. В кармане – кусок капроновой веревки, которым можно связать этих самодельных копателей, пусть отдохнут, и самому закончить начатую работу, – открыть сейф и забрать свое.

Уже был слышен голос человека, сидевшего у костра, он говорил отрывисто, короткими фразами, будто собака лаяла, – и можно было разобрать отдельные слова. Сурен, затаив дыхание, медленно приближался к освещенному пространству, когда сзади что-то загрохотало, будто кто-то прыгнул на листы кровельного железа, и высокий голос:

– Стой, гад, а то стреляю. Не двигаться, ну...

Лязгнул затвор автомата или карабина, за спиной загорелся фонарик. Сурен успел подумать, что эти копатели не дилетанты, а тертые парни, с опытом, поставили в темноте человека, может, не одного, и спокойно занялись делом. Он бросил взгляд за плечо, увидел абрис человека с фонариком, рядом с ним другой человек, с карабином. Из темноты выступил Левон, он замер на месте и выстрелил навскидку. Фонарик погас, стало темно. Сухие пистолетные хлопки: раз, два... Выстрел карабина. И один пистолетный хлопок...

* * *

Человек у костра вскочил на ноги и снова присел, телогрейка слетала с плеч, откуда-то из-за спины, из бесформенной груды тряпья, выдернул за ремень двустволку. Второй мужчина, отбросил лопату, поднял лом. Сурен сделал три длинных прыжка вперед, сократил дистанцию, в движении дернул рукоятку саперной лопатки.

Человек в красной фуфайке вскинул ружье.

Сурен остановился, занес руку за спину, резко выбросил ее вперед, разжал пальцы, древко выскользнуло из ладони, лопатка перевернулась в воздухе, ударила противника в основание шеи с такой чудовищной силой, что перерубила дыхательное горло и пищевод, чудом не снесла с плеч голову. Человек, даже не вскрикнув, повалился на спину, пальнув в ночное небо дуплетом, выстрелы грянули залпом артиллеристских орудий, так, что уши заложило, из стволов вышел длинный сноп искр.

Мужчина с ломом был совсем близко, на расстоянии полутора метров, он отклонил корпус вправо, чтобы ударить сбоку и поломать противнику руку и ребра. Сурен уже не мог отступить, он присел, выбросил вперед правую ногу, провел встречный удар в живот. Лом вылетел из рук, человек повалился на спину. Сурен, поджав ноги, прыгнул не него, коленями на грудь, наотмашь съездил по лицу, но сообразил, что противник уже в глубоком нокауте. Сурен перевернул его вниз лицом, связал руки за спиной. Тут только обернулся и позвал Левона, – никто не ответил.

Возле покореженной трубы валялся включенный фонарик, Левон лежал между грудями кирпичей, будто хотел там спрятаться, он получил два сквозных ранения в грудь и, наверное, умер быстро. Сурен присел на корточки, проверил карманы Левона, документы на месте, во внутреннем кармане куртки, это хорошо, значит, его опознают и не похоронят в общей могиле вместе с другими неопознанными трупами. Сурен поднял пистолет, проверил обойму, оставалось еще четыре патрона. Один из нападавших лежал немного поодаль, он отбросил в сторону карабин, упал навзничь. Сурен посветил в лицо фонариком, это был худой человек лет тридцати пяти с длинным серым лицом, присыпанным пылью. Он открыл рот и глядел в небо остекленевшими глазами.

Второй мужчина, помоложе, был ранен в живот, он пытался отползти подальше, в темноту, спрятаться в развалинах, но силы быстро кончились, – из этой затеи ничего не получилось. Услышав шаги, он перевернулся с бока на спину, наверное, хотел что-то сказать, выпросить жизнь, разжалобить. Он приподнял голову так, что Сурен мог видеть его лицо, искаженное страхом, перепачканное кровью и пылью. Сурен добил его двумя выстрелами.

* * *

Он вернулся к разрушенному сараю, присел у костра и выкурил сигарету. Ночь наполнилась звуками и движением, где-то далеко горели костры, по дальней дороге проползли два армейских грузовика, за ними автобус, слышно было, как кто-то через мегафон отдавал короткие команды, в другой стороне замигал прожектор, он шарил по темноте, высвечивая силуэты развалин. Скоро рассветет, здесь появятся люди, возможно, много людей, но небольшой запас времени еще остается. Сурен встал, развязал руки человеку, лежавшему лицом вниз, пнул его, передернул затвор пистолета и сказал:

– Ну, живо...

Мужчина поднялся, его шатало от слабости или от страха, он взял лопату и стал копать. Иногда он останавливался, бросал быстрый взгляд за спину на Сурена и снова копал, когда лопата ударилась о доски, он сгреб землю в сторону, наклонился и поднял люк погреба, тяжелый, как могильная плита.

– Как вы узнали? – спросил Сурен.

– Не я узнал, – мужчина отряхнул пыль со штанов. – Меня позвали, я пришел.

– Как узнали?

– Разговор не сегодня пошел. Ну, кто-то пустил парашу, что он ювелир, рыжые заначил. На старость. Его давно хотели, ну, пощупать, но случая не было. И тут трянуло, как по заказу...

– Ну, дальше?

– Меня нашли и сказали, что старик в натуре показал место. Надо только сейф отжать.

– Что с ним сделали?

– Ну, заглубили немного, а старик кончился. У него мотор не тянул...

– Где он? Покажи.

Отошли в сторону, старик лежал за разваленной поленницей дров, лицом вниз.

– Переверни его на спину. Отойди на шаг. На колени, руки за голову.

Мужчина выполнил приказание. Сурен посмотрел на старика и не сразу его узнал, лицо от побоев сделалось одутловатым, каким-то широким, красно-синим, кисть правой руки была отрублена топором или заступом.

– Значит, мотор не тянул? – спросил Сурен.

– Это без меня было. Не я это...

Мужчина знал, что произойдет дальше и ни о чем не попросил, только всхлипнул. Сурен шагнул вперед к незнакомцу и выстрелил ему в затылок, затем спустился в подвал, бетонные стены потрескались и кое-где осыпались, полки обвалились, но к сейфу можно было подобраться без труда. Сурен посветил фонариком, набрал код, открыл дверцу, – все на месте. На верхней полке в пластиковых коробочках изделия из золота и платины с драгоценными камнями, на второй полке в коробочке из-под леденцов золотые царские червонцы, английские золотые монеты девятнадцатого века, два небольших золотых слитка. Внизу в жестяной железной коробке из-под печенья – облигации золотого займа достоинством в двадцать пять рублей, в другой коробке валюта, стянутая резинками, – две пачки долларов двадцатками.

Сурен подумал, – сложить это добро некуда. Он озирался по сторонам, – ничего подходящего, в дальнем темном углу под тряпками саквояж из натуральной кожи, старомодный пухлый чемоданчик, с такими земские врачи ездили к больным, замок работает, к нему привязан ключик. Сурен вытряхнул из саквояжа истлевшие бумаги, не разбирая, сгреб содержимое сейфа в саквояж, сверху прикрыл газетой и полотенцем. Он выбрался наверх и осмотрелся, – теперь надо уходить, костерок почти догорел, «Уазик» с включенными фарами стоял на том же месте, на востоке у горизонта небо сделалось светлее.

Он поставил саквояж на заднее сидение, положил в багажник саперную лопатку, подумал и вернулся за большой лопатой и ломом. На пути горы, хоть и невысокие, значит, могут быть и завалы. Он сел в «Ниву», повернул ключ в замке зажигания, на дальней окраине притормозил, высунулся и оглянулся назад. Над городом, которого больше не было, висело облако серо-желтой пыли, достающее до небес, утренний свет странно преломлялся в нем, дробился на мелкие блики, со стороны казалось, будто в этом пыльном облаке, как рыбы в аквариуме, плавали человеческие души.

Часть третья: Кольцов

Глава 1

Юрий Кольцов проснулся от звонков трамвая, доносившихся с улицы. Голова была тяжелой, мысли путались, он сел на раскладушке и осмотрелся, слева на стене картина маслом, заключенная в тяжеловесную золотую раму – зимний пейзаж Васильевского острова. Рядом другая картина, поменьше, тоже вечерний городской пейзаж: люди, спешившие куда-то, трамвай с открытыми дверями, на другой стороне улицы магазин «овощи – фрукты» и женщина с хозяйственной сумкой.

Несколько лет назад хозяйка квартиры была хорошей художницей, но потом встретила не того человека, пережила смерть ребенка, ушла от мужа, и встретила другого мужчину, не лучше первого. Все покатилося под гору, теперь тут давно никто не рисует, о прошлом напоминает несколько картин, чудом сохранившихся.

Женщина, лежавшая на кровати у окна, беспокойно заворочалась. Желтые волосы, покрытые лаком, казались стеклянными, на шее темная родинка с полгорошины, серебряная цепочка с крестиком. Женщина натянула на голову простыню и, кажется, снова заснула. Комната узкая и длинная с высоким потолком, на спинке венского стула синие штаны и чёрный свитер грубой вязки, на столе овальное блюдо с куриными костями и засохшими ломтиками запеченной картошки. Три пустых бутылки из-под портвейна, четвертая – почти полная, заткнута пробкой. У стены радиолы «Ригонда» с поднятой крышкой, на табуретке стопка пластинок в истрепанных бумажных конвертах, в дальнем углу его чемодан, фанерный с металлическими уголками.

Кольцов наскоро оделся, сел на кровать, поближе к столу.

– Юра, ты уже уходишь? Не отпуска. Подожди... Мы же вчера хотели серьезно поговорить.

Голос был глубокий, низкий.

– Вика, я постараюсь вечером вернуться, – сказал он. – Тогда поболтаем.

Наверное, она поняла, что это вранье. Кольцов вытащил бумажник и пересчитал деньги, кажется, вчерашним вечером их было больше, но кое-что еще осталось – и ладно. Он заткнул в бумажник несколько купюр, остальное положил на подоконник, у стопки журналов «Работница».

– Спасибо, – сказала женщина. – А то с деньгами совсем туго...

Он встал, открыл форточку, снова присел на кровать, вытащил сигарету из бумажной пачки, закурил. Женщина заворочалась, придвинулась ближе, ухватила его за талию, сплела руки.

– У нас что-нибудь осталось? – женщина продолжала держать его за талию. – По глоточку?

– Почти целая бутылка. Но я не буду.

Он докурил, расплел женские руки, поднялся, вышел в коридор, узкий и темный, включил свет. На полу возле вешалки лежал мужчина лет сорока пяти, грузный, высокий, в трусах и майке, он внимательно посмотрел на Кольцова снизу вверх и протянул ему руку, чтобы помог подняться. Кольцов переступил через человека, прошел в ванну, быстро умылся, вышел обратно, хотел снять с вешалки короткое пальто и кепку шестиклинку, но мешал человек, сидевший на полу, привалившийся спиной к стене. С неожиданным проворством он встал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.